МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русской литературы

ОЛЕНИНА

Дарья Вадимовна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АРХАИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

Дипломная работа

Научный руководитель:

кандидат филологических наук

доцент Д. Л. Башкиров

Допущена к защите

«___» _____ 2018 г.

Зав. кафедрой русской литературы

доктор филологических наук профессор
С. Я. Гончарова-Грабовская

Минск, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Реферат **3**
Введение **6**
Глава 1. Элементы сентименталистской эстетики в раннем творчестве Л. Н. Андреева **10**
1.1. Определение сентименталистской концепции. 10
1.2. Раннее творчество Л. Н. Андреева 15
1.3.Элементы сентименталистской эстетики в раннем творчестве Л. Н. Андреева 17
Глава 2. Пушкинский текст в пьесе Л. Н. Андреева «Жизнь человека» **59**
2. 1. Понятие пушкинского текста 61
2. 2. Пушкинский текст в пьесе Л. Н. Андреева «Жизнь человека» 62
2. 3. Художественная архаика в петербургской повести «Медный всадник» ... 66
2. 4. Художественная архаика в представлении «Жизнь человека» 70
2. 5. Выводы, или О принципе mise en abyme 72
Заключение **74**
Список использованной литературы **79**

РЕФЕРАТ

Структура и объем. Общий объем – 80 машинописных страниц, список использованных источников включает 38 наименований.

Ключевые слова : СЕНТИМЕНТАЛИЗМ, ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ (ШИРОКИЙ ПОДХОД), РЕЦЕПЦИЯ, ЯЗЫЧЕСТВО, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП MISE EN ABYME.

Объект исследования : ранние произведения Л. Н. Андреева, представление Л. Н. Андреева «Жизнь человека», петербургская повесть А. С. Пушкина «Медный всадник».

Предмет исследования : архаические элементы в ранних произведениях Л. Н. Андреева, петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник» и представлении Л. Н. Андреева «Жизнь человека»; взаимосвязь архаических образов, идей, мотивов произведения Л. Н. Андреева и произведения А. С. Пушкина.

Цель исследования : поиск художественной архаики в творчестве Л. Н. Андреева (в ранних рассказах и пьесе «Жизнь человека»).

Методы исследования : метод интертекстуального анализа, рецептивный, культурно-исторический.

Актуальность и выбор темы обусловлены неоднозначностью художественного метода Л. Н. Андреева, необходимостью исследования всех составляющих художественного синтеза писателя вплоть до самых мелких художественных деталей, чтобы в полной мере понять его творчество и русскую литературу в целом.

Научная новизна исследования заключается в систематизированном исследовании элементов сентименталистской эстетики в раннем творчестве Л. Н. Андреева; в самом факте сопоставления петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник» и представления Л. Н. Андреева «Жизнь человека»; в открытии принципа mise en abyme в архитектонике пьесы «Жизнь человека».

Полученные результаты. В ранних текстах Л. Н. Андреева обнаруживаются следующие элементы сентиментализма : внимание к самому простому человеку (бедняку, маргиналу), предельное внимание к чувству и чувственности, культ женщины, обращение к эпистолярным элементам и др.

В архитектонике пьесы Л. Н. Андреева «Жизнь человека» (анализировались два варианта текста : 1906 и 1908 годов) обнаруживается художественный принцип mise en abyme : представление содержит в себе пушкинский текст «Медный всадник», а в петербургскую повесть, в свою очередь, включается мощный языческий компонент.

Осуществлено объяснение появления вышеперечисленных архаических элементов в творчестве Л. Н. Андреева.

Практическая значимость работы : данные исследования могут быть использованы в преподавании следующих дисциплин : история русской литературы, теория литературы.

Дипломная работа написана самостоятельно.

РЭФЕРАТ

Структура і аб'ём. Агульны аб'ём – 80 машынапісных старонак, спіс выкарыстаных крыніц уключае 38 найменняў.

Ключавыя словы: СЕНТЫМЕНТАЛІЗМ, ПУШКІНСКІ ТЭКСТ, ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНАСЦЬ (ШЫРОКІ ПАДЫХОД), РЭЦЭПЦЫЯ, ПАГАНСТВА, МАСТАЦКІ ПРЫНЦЫП MISE EN ABYME.

Аб'ект даследавання: раннія творы Л. М. Андрэева, прадстаўленне Л. М. Андрэева «Жыццё чалавека», пецярбургская аповесць А. С. Пушкіна «Медны коннік».

Прадмет даследавання: архаічныя элементы ў ранніх творах Л. М. Андрэева, пецярбургскай аповесці А. С. Пушкіна «Медны коннік» і прадстаўленні Л. М. Андрэева «Жыццё чалавека»; ўзаемасувязь архаічных вобразаў, ідэй, матываў твора Л. М. Андрэева і твора А. С. Пушкіна.

Мэта даследавання: пошук мастацкай архаікі ў творчасці Л. М. Андрэева (у ранніх апавяданнях і п'есе «Жыццё чалавека»).

Метады даследавання: метад інтэртэкстуальнага аналізу, рэцэптыўны, культурна-гістарычны.

Актуальнасць і выбар тэмы абумоўлены неадназначнасцю мастацкага метаду Л. М. Андрэева, неабходнасцю даследавання ўсіх складнікаў мастацкага сінтэзу пісьменніка аж да самых дробных мастацкіх дэталяў, каб у поўнай меры зразумець яго творчасць і рускую літаратуру ў цэлым.

Навуковая навізна даследавання заключаецца ў сістэматызаваным даследаванні элементаў сентыменталістскай эстэтыкі ў ранняй творчасці Л. М. Андрэева; у самім факце супастаўлення пецярбургскай аповесці А. С. Пушкіна «Медны коннік» і прадстаўлення Л. М. Андрэева «Жыццё чалавека»; у адкрыцці прынцыпу mise en abyme ў архітэктоніцы п'есы «Жыццё чалавека».

А**трыманыя вынікі**. У ранніх тэкстах Л. М. Андрэева выяўляюцца наступныя элементы сентыменталізму : увага да самага простага чалавека (бедняка, маргінала), гранічная ўвага да пачуцця і пачуццёвасці, культ жанчыны, зварот да эпісталярных элементаў і інш.

У архітэктоніцы п'есы Л. М. Андрэева «Жыццё чалавека» (аналізаваліся два варыянты тэксту : 1906 і 1908 гадоў) выяўляецца мастацкі прынцып mise en abyme : прадстаўленне змяшчае ў сабе пушкінскі тэкст «Медны вершнік», а ў пецярбургскую аповесць, у сваю чаргу, уключаецца магутны паганскі кампанент.

Ажыццёўлена тлумачэнне з'яўлення вышэйпералічаных архаічных элементаў у творчасці Л. М. Андрэева.

Практычная значнасць працы. Даныя даследавання могуць быць выкарыстаны ў выкладанні наступных дысцыплін : гісторыя рускай літаратуры, тэорыя літаратуры.

Дыпломная праца напісана самастойна.

ABSTRACT

The total volume is 80 typewritten pages, the list of cited sources includes 38 items.

Keywords: SENTIMENTALISM, PUSHKIN'S TEXT, INTERTEXTUALITY (THE BROAD APPROACH), RECEPTION, PAGANISM, ART PRINCIPLE OF MISE EN ABYME.

The object of the research is early works by L. N. Andreev and his play «The Life Of Man».

The subject of the research is archaic elements in the early works by L. N. Andreev and in the poem «The Bronze Horseman» by A. S. Pushkin; the interconnection of archaic images, ideas, motifs in the works by L. N. Andreev and A. S. Pushkin.

The purpose of the research is artistic archaic in the works of L. N. Andreev (in his early stories and play «The Life Of Man»).

The research methods are the method of intertextual analysis, receptive, cultural and historical methods.

The relevance and choice of the theme are caused by the ambiguity of L. N. Andreev's artistic method, by the necessity in studying all components of the writer's artistic synthesis in order to fully understand his creativity and Russian literature in general.

The scientific novelty of the research lies in the systematic study of the elements of sentimental aesthetics in the early works by L. N. Andreev; in the fact of the mapping of the above-stated creations; in the discovery of the principle of mise en abyme in the architectonics of the play " The Life Of Man "; in the own attempt to define the artistic method of L. N. Andreev.

The results of the research are as follows:

The following elements of the sentimental aesthetics in the early texts of L. N. Andreev are defined: the attention to a simplest person (a poor, a marginal), the utmost attention to feeling and sensuality, the cult of Woman, the usage of epistolary elements*, etc.*

In the architectonics of the play of L. N. Andreev «The Life Of Man» (two versions of the text were analyzed: 1906 and 1908) the artistic principle of mise en abyme is found: the play contains the Pushkin text «The Bronze Horseman», and the St. Petersburg story, in turn, includes the powerful pagan component.

The appearance of the above-mentioned archaic elements in the works by L. N. Andreev is explained.

As far as the **practical significance of the research** is concerned this information can be used in teaching the following disciplines: the history of Russian literature and theory of Literature.

The thesis is written independently.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение творчества Л. Н. Андреева началось в двадцатые годы XX в. Именно тогда были опубликованы биографические сведения, мемуары, письма, вышли статьи, касающиеся стиля и творческого метода произведений писателя [см. 18, с. 9]. Отметим книгу К. В. Дрягина «Экспрессионизм в России. Драматургия Андреева» (1928).

В 1959 г. вышло исследование Л. Н. Афонина «Леонид Андреев».

Большой вклад в изучение творчества Леонида Андреева внесли Ю. В. Бабичева, В. И. Беззубов, Ю. Н. Чирва, В. Н. Чуваков, К. Д. Муратова, Э. А. Шубин, Л. А. Иезуитова, Н. П. Генералова, С. П. Ильев, В. Я. Гречнев, В. А. Келдыш.

Особое место в изучении наследия писателя занимает статья А. Л. Григорьева «Леонид Андреев в мировом литературном процессе» (1972).

Современное состояние изучения представлено многочисленными научными статьями (Н. А. Бондаревой, Е. С. Петрушковой, И. А. Назарова, Е. А-Б. Михеичевой, Г. Н. Боевой и др.) и большим количеством диссертаций (В. А. Мескина, Д. Л. Башкирова, Т. И. Мартыновой, И. И. Московкиной, А. В. Татаринова, М. В. Еременко, О. В. Вологиной, Н. А. Бондаревой, П. С. Чжина, С. А. Демидовой и др.).

Многие исследователи отмечают особенную сложность художественного метода писателя. Его творчество, сложное для восприятия, и поныне требует детального изучения. Почти все современные ученые избегают однозначности в оценке творчества этого писателя.

Ю. В. Бабичева отмечала, что творчество Л. Андреева, «всегда необычное по форме» и «иногда противоречивое в содержании», «не сразу открывается ищущему уму» [4, с. 4].

Л. А. Иезуитова писала, что «суждения об Андрееве поверхностны и противоречивы» [18, с. 3]; что имеющиеся статьи и книги «не решили задачи глубокого синтетического истолкования наследия Андреева» [18, с. 5].

Б. С. Бугров назвал творчество Андреева «проникнутым бунтарским духом, полным кричащих диссонансов», и указал на то, что наследие писателя не укладывается в рамки конкретного направления [7, с. 109].

Т. И. Мартынова писала о «множестве несходных точек зрения на Андреева» [23, с. 12].

В. А. Мескин утверждал, что подход к изображению людей многосторонний [25, с. 3].

Д. Л. Башкиров отметил : «Писатель никогда резко не расходился с реалистической традицией, однако стремился освободить изображаемое от логики, диктуемой содержанию формой» [6, с. 4].

И. И. Московкина писала, что Л. Андреев синтезировал традиции реализма и романтизма с модернистскими художественными принципами [27, с. 1].

Е. А-Б. Михеичева назвала талант Андреева «необычным» и «непрогнозируемым» [26, с. 14].

А. В. Татаринов определил художественный метод Л. Н. Андреева как «мифологический реализм» [36, с. 18].

Очевидно, что важную роль в творчестве писателя играют традиции русской классической литературы. Неоднократно исследователями подчеркивалось влияние на Андреева произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя.

Ю. В. Бабичева отметила, что на примере творчества Л. Андреева можно проиллюстрировать мысль о вечной взаимосвязи традиций и новаторства. Юлия Викторовна указала на связь творчества Л. Андреева с творческим опытом Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского [4, с. 5 – 6].

Некоторые исследователи считают творчество Леонида Андреева неореалистическим. Отчасти это так, некоторые произведения писателя действительно имеют черты данного творческого метода. Например, в отрывках из найденной рукописи «Красный смех» (1904) Л. Андреев упраздняет историзм. Не важно, что за война, главное – сам факт войны. На первом месте стоит человеческая жизнь. Но не все так однозначно. В неореализме не являются важными пространство и время, упразднен психологизм. Этого нельзя сказать о большинстве произведений Л. Андреева. Поэтому четко говорить о Л. Андрееве как представителе только неореализма мы не можем, это справедливо лишь относительно конкретных его текстов.

Свою «художественную неопределенность» ощущал и сам Л. Андреев. В 1912 г. он писал М. Горькому : «Кто я? Для благородных декадентов – презренный реалист; для наследственных реалистов – подозрительный символист» [21, с. 351].

Характерно отношение писателя к революции. В новое (революцию) Андреев вкладывает старые, но не устаревающие смыслы (истина, добро) с присущей ему страстностью. Нечто подобное происходит и с его творчеством.

«Ирреальное в реальном, символ в конкретном, **вражда к злободневному, поверхностно кричащему и любовь к вечному**» – вот, по мнению Л. Андреева, единая цель его и театра (здесь и далее полужирный

шрифт наш. – Д. О.). Писатель признает : «Настало время широких обобщений…», «Нужен **синтез**» [35, с. 205].

Таким образом, новизна творчества Андреева строится на архаичных и классических элементах. Это объясняется, во-первых, уникальным талантом писателя, заставляющим в эпоху абсолютизации формы думать о глубоком содержании. Во-вторых, тем, что писатель очень много читал с детства, и не просто читал, а пропускал художественный мир через себя. Читать он начал с шести лет, а с семи стал посещать библиотеку. Л. А. Иезуитова писала : «…книга стала для гимназиста Андреева всем : наставником, другом, его второй жизнью»; «чтение для Андреева стало страстью, увлеченность книгами переходила в одержимость идеями, словами, образами любимых авторов» [18, с. 9]. В-третьих, большое значение имеет творческая деятельность в переломную эпоху, на рубеже веков.

Творчество Л. Н. Андреева нельзя определить однозначно, например, сказать : «Л. Андреев реалист» или «Л. Андреев модернист». По нашему мнению, справедливо будет говорить об особом синтетическом методе. На наш взгляд, необходимо исследовать все составляющие художественного синтеза писателя вплоть до самых мелких художественных деталей, чтобы в полной мере понять его творчество и русскую литературу в целом. В данном аспекте становится актуален вопрос о роли художественной архаики в творчестве Л. Н. Андреева.

Цель дипломной работы : найти художественную архаику в творчестве Л. Н. Андреева (в ранних рассказах и пьесе «Жизнь человека»).

Задачи :

1. Проанализировать раннее творчество Л. Н. Андреева.

2. Найти элементы сентименталистской эстетики в раннем творчестве Л. Н. Андреева.

3. Проанализировать связь представления «Жизнь человека» с петербургской повестью А. С. Пушкина «Медный всадник».

4. Найти архаические элементы в пьесе Л. Н. Андреева «Жизнь человека», опираясь на наличие в ней пушкинского текста.

Объект исследования : ранние произведения Л. Н. Андреева, представление Л. Н. Андреева «Жизнь человека», петербургская повесть А. С. Пушкина «Медный всадник».

Предмет исследования : архаические элементы в ранних произведениях Л. Н. Андреева, петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник» и представлении Л. Н. Андреева «Жизнь человека»; взаимосвязь архаических образов, идей, мотивов произведения Л. Н. Андреева и произведения А. С. Пушкина.

Методы исследования : метод интертекстуального анализа; рецептивный; культурно-исторический.

Научная новизна работы заключается в систематизированном исследовании элементов сентименталистской эстетики в раннем творчестве Л. Н. Андреева; в самом факте сопоставления петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник» и представления Л. Н. Андреева «Жизнь человека»; в открытии принципа mise en abyme в архитектонике пьесы «Жизнь человека».

Под художественной архаикой в данной работе мы будем понимать элементы сентименталистской эстетики и языческий компонент.

В принадлежности сентиментализма к области архаического и художественного сомнений не возникает. Сентименталистская эстетика, при всей ее значимости для художественной литературы, в общем и целом воспринимается современным читателем как составляющая определенного этапа в развитии литературы и языка, многие элементы идеологии и стиля данного художественного метода объективно считаются неактуальными.

Необходимо доказать связь художественного, архаического и язычества.

Язычество – это мировоззрение и мироощущение *первобытного* человека, архаика.

«Художественный – относящийся к искусству, к деятельности в области искусства» [28, с. 756]. Если писатель, художник слова, в своем творчестве обращается к язычеству, значит, эта религия автоматически становится художественным элементом вследствие того, что ее элементы попадают в эстетическое пространство.

ГЛАВА 1

ЭЛЕМЕНТЫ СЕНТИМЕНТАЛИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

1.1 Определение сентименталистской концепции.

Сентиментализм – система взглядов, которая отличается излишней чувствительностью и идеализированным изображением самых простых людей и их переживаний, а также жизненной обстановки и природы (сформулировано при помощи толкового словаря С. И. Ожегова) [28, с. 618].

Сентиментализм как художественный метод предполагает пробуждение в человеке чувствительности и катарсис через слезы.

Сентиментализм – основной «соперник» классицизма. На место гражданственности приходит чувствительность, важную роль играют интимные переживания.

Философские истоки сентиментализма – идеи Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо о естественном человеке. Согласно идее естественного человека, цивилизация пагубно влияет на людей. В трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762) Руссо изложил методы и задачи воспитания идеального человека. Главная задача – «…изоляция ребенка от пагубной окружающей среды под благотворное воздействие природы, чтобы сохранить в неприкосновенности врожденные чувства, дать ему возможность развиваться естественно и свободно» [32].

Также особое значение имеет «Исповедь» (1765 – 1770) Ж.-Ж. Руссо. В произведении философ и писатель обобщил важнейшие темы : значимость личности, сложности ее развития; отрицал культ разума и логики; утверждал равенство всех в чувстве; искусство видел волнующим и «животрепещущим», призывающим людей к добродетели [32].

Появление термина *сентиментализм* связано с Л. Стерном, автором «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» (1768). По названию произведения получило название и само направление.

Яркими представителями сентиментализма в западноевропейских литературах являются Э. Юнг, Т. Грэй, С. Ричардсон, О. Голдсмит, Л. Стерн, П. Мариво, Ф. Клопшток, И. Гете, Ф. Шиллер.

Русский сентиментализм зародился в 1760-е гг. в творчестве М. М. Хераскова, в частности, в его лирике и трагедии «Венецианская монахиня». Первым поэтом-сентименталистом стал М. Н. Муравьев, а первый русский сентиментальный роман – «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. А. Эмина (1766 г.). В нем автор обратился к миру переживаний персонажей. Автор не

случайно выбирает форму, к которой в свое время обращались Овидий («Письма героинь», 5 г. до н. э.), Г.-Ж. Гийераг («Португальские письма, 1669), А. Бен («Любовная переписка дворянина и его сестры», 1684), Ш. Монтескье («Персидские письма», роман завершен в 1721), Ф. де ла Гард («Письма Терезы», первое издание в 1737 г.), С. Ричардсон («Памела, или Вознагражденная добродетель», 1740; «Кларисса, или История молодой леди…», другой вариант названия – «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов» 1748; «История сэра Чарльза Грандисона», 1753), Ж.-Ж. Руссо («Юлия, или Новая Элоиза», 1757 – 1760). Письма – часть внутреннего бытия, в них раскрывается внутренний мир человека: его переживания, чувства. Эпистолярная форма предполагает повествование от первого лица, что способствует лучшему восприятию образов героев – умозаключения самого персонажа говорят о нем гораздо больше, чем пространные описания автора. Писателей-сентименталистов интересуют конкретные люди и их индивидуальные судьбы. В предисловии автора перед читателем предстает лишь тип женатого мужчины, полюбившего женщину на стороне, и тип женщины, которая вышла замуж не за того, кого любила. В письмах же Эрнеста, напротив, проявляется индивидуальное.

Расцвет русского сентиментализма приходится на 1790-е, этот период называется карамзинизмом. Вклад Н. М. Карамзина в формирование русского сентиментализма огромен.

В 1790 г. Н. М. Карамзин основал «Московский журнал», который стал центром сентиментализма.

С 1791 г. в этом журнале печатаются «Письма русского путешественника» Николая Михайловича – произведение, во многом способствующее развитию сентиментализма в России.

1792 г. ознаменовался появлением повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» – «визитной карточки» русского сентиментализма. После выхода этого произведения начался настоящий сентиментальный бум : «московские девушки и юноши, прочитав повесть и умилившись печальной судьбой ее героини, ходили к Симонову монастырю и любовались на пруд, в котором она утопилась» [10, с. 425]

Карамзин явился и новатором в области жанра – представил читателям психологическую повесть.

Велико влияние Н. М. Карамзина на формирование русского литературного языка. Карамзин и его сторонники предложили концепцию нового слога. Данная концепция предполагала ориентацию на западноевропейскую культурную ситуацию, опору на разговорную речь. Карамзинисты произвели отбор лексических элементов русского языка сквозь призму вкуса европейски образованных дам. В новом слоге оставались только

русские слова, которые не несли никакой низкой бытовой идеи. Церковнославянский язык был объявлен чужим языком, художественные произведения максимально освобождались от славянизмов. В итоге в лексиконе новаторов остались только нейтральные и уменьшительно-ласкательные слова. Эмоционально-стилистическим компонентом текста становится инверсия. Н. М. Карамзин подарил русскому языку такие слова, как *моральный, религия, мифология, героизм, эстетический* и др.

Назовем и других писателей, способствующих закреплению сентиментализма в русской литературе.

М. Д. Чулков, автор романа «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770).

И. И. Дмитриев, единомышленник Н. М. Карамзина, что было подчеркнуто даже названием сборника – «И мои безделки» (1795).

П. Ю. Львов – автор повестей «Роза и Любим» (1790) и «Даша, деревенская девушка» (1803).

В. А. Жуковский и его раннее творчество («Сельское кладбище», 1802; «Вечер», 1806).

Черты сентиментализма :

- человеческая личность «выражается прежде всего в теме личности самого автора» [10, с. 433], осознанный субъективизм;
- вера в «сердечную» нравственность, а не в духовность извне;
- нарушение религиозных рамок;
- детальное изображение внутреннего мира конкретного человека;
- внимание к людям из низших сословий («и крестьянки любить умеют»);
- абсолютизация чувства и чувственности;
- идея гармоничной связи с природой, параллели в состоянии души человека и природы;
- художественное изображение детей как изначально чистых существ;
- идеализация деревни, сельской местности;
- эстетизация окружающей действительности;
- культ женщины (Ж.-Б. Грез, М. М. Херасков, Н. М. Карамзин);
- «слезные ситуации»;
- обращение к эпистолярным элементам.

Особенности языка сентиментальных произведений :

- язык подчеркнуто эмоционален (частое использование междометий и восклицаний);
- проникновение в язык литературы разговорных элементов;
- обильное использование уменьшительно-ласкательных лексем;
- обращение к белому стиху.

Особенности языка русских сентиментальных произведений :

- активное употребление заимствований;
- создание неологизмов;
- частое использование перифразы.

Примечание. Хотелось бы обратить внимание на такие элементы «нового слога», как использование заимствований и разговорных элементов в языке произведений Л. Андреева. Вероятно, кому-то из исследователей покажется неуместным выделять вышеперечисленные особенности в произведениях послекарамзинского периода. На наш взгляд, эти особенности принципиальны даже в исследовании текстов XX в. Так, в произведениях А. М. Ремизова редки разговорные лексемы, в текстах А. И. Солженицына и Д. М. Панина, например, царствует «язык предельной ясности», главным правилом которого было освободиться от большинства заимствований по одной простой причине – для многих они малопонятны.

1.2 Раннее творчество Л. Н. Андреева

Л. Андреев трагически воспринимал все жизненные неурядицы. Обостренное чувство справедливости привело его в публицистику. Писатель стремился ответить на важные жизненные вопросы, найти истину. Для этого он обращался *к внутреннему миру человека,* зачастую самого простого, которого запросто можно встретить на улице. Обращение к *человеку, не обремененному различными регалиями, не опьяненному успехом,* помогало найти нечто истинное, что есть в каждом и объединяет всех. Более того, такой герой привлекает читателей. *Простой* орловский житель с большим удовольствием прочтет рассказ о пьющем Гараське, чем произведение о тонких мытарствах интеллигенции.

Регулярно публиковаться Леонид Андреев начинает с октября 1897 года, уже после окончания университета и получения должности присяжного поверенного в Москве. Сначала это были тексты пера судебного репортера, однако вскоре секретарь газеты «Курьер» И. Д. Новик увидел необычность, художественность отчетов Андреева и подтолкнул его к дальнейшему литературному развитию. Так появился рассказ «Баргамот и Гараська», подаривший автору успех и признание. Это произведение Леонида Андреева называли «украшением всего пасхального номера» газеты «Курьер» [см. 1, с. 700 – 701].

Благодаря положительным отзывам читателей сомневающийся Леонид Андреев отдается литературной среде : переписывается с М. Горьким, встречается с А. П. Чеховым. Лето и осень 1899 становятся периодом плодотворной литературной работы. Рассказы 1899 года Леонид Андреев считал началом особого этапа в своем творчестве. Писателю приходят письма от читателей с искренней благодарностью [см. 1, с. 702 – 703].

Л. Андреев считал, что в России нет уважения к личности, а без этого не может быть гармоничного общества. Именно поэтому герой ранних рассказов писателя – самый обыкновенный человек. Сюжеты писатель черпал из своих юношеских впечатлений, а также заимствовал их из своей юридической практики. Л. Андреев стремился к справедливости, призывал людей к взаимной чуткости, он создавал, по словам Л. А. Иезуитовой, «полюс милосердия». В раннем творчестве писателя легко найти отсылки к произведениям Ф. М. Достоевского и Ч. Диккенса. Интерес Л. Андреева к жанру святочного рассказа подтверждает желание побудить читателей к духовному единению, ведь пасхальный или рождественский концепт – мощный элемент соборности. То, что Леонид Андреев обратился к вышеупомянутым жанрам, принципиально важно для литературы того времени, когда в воздухе витали революционные

идеи, а душой революции, по словам Ф. И. Тютчева, был антихристианский дух [см. 15, с. 12, 44].

Ранние рассказы Л. Андреева, хотя и несут в себе декадентские мотивы, все же тяготеют к реализму. Они напоминают произведения малой формы XIX в. о «маленьких» людях.

Ранние произведения писателя в большинстве своем автобиографичны. На них оказали влияние философские и научные увлечения Л. Андреева (идеи А. Шопенгауэра, Ч. Дарвина), его профессия, отличающаяся разнообразием личная жизнь. В ранних рассказах перед нами либо предстает юноша, находящийся под влиянием пессимистичных идей и склонный к суициду («Он, она и водка», «Загадка», «Любовь, вера и надежда»), либо четко прослеживается точка зрения разочарованного в жизни автора («Чудак», «Ангелочек»). Профессия юриста встречается в рассказах «Защита», «Держите вора!». В произведении «Розочка» герои ведут идейный спор, связанный с идеями Ч. Дарвина. В некоторых рассказах художественно отразилась впечатляющая опытность писателя в амурных делах («Он, она и водка», «Розочка», <Случилось все это очень просто>, «Грошовый человек»). Многие героини произведений имеют прототипов (она в рассказе «Он, она и водка» – Н. А. Антонова, героиня рассказа «Любовь, вера и надежда» – А. М. Велигорская и др.).

Об автобиографичности ранних рассказов свидетельствует и признание самого Леонида Андреева. Он считал, что «*сочинить»* не умеет, а может только повторить увиденное с легким использованием фантазии [см. 1, с. 702]. Большое влияние на творчество Л. Н. Андреева оказали его дневники, в первую очередь они послужили развитию тематики самоубийства и раздвоенного сознания [см. 1, с. 706]. Это имеет особенное значение в контексте нашего исследования, т.к. дневник – важнейший жанр сентиментализма.

1. 3 Элементы сентименталистской эстетики в раннем творчестве Л. Н. Андреева.

Перед анализом произведений осуществим их классификацию. Используем следующие ее принципы : текстологический, тематический, мотивный.

Текстологическая классификация

Рассказы, опубликованные при жизни писателя : «В холоде и золоте», «Загадка», «Он, она и водка», «Чудак», «Баргамот и Гараська», «Любовь, вера и надежда», «Алеша-дурачок», «Что видела галка», «Случай», «Защита», «Памятник», «В Сабурове», «Петька на даче», «У окна», «Друг», «Ангелочек», «Валя».

Произведения, опубликованные только после смерти Л. Андреева в советских изданиях : «Мать», «Нас двое».

Законченные произведения, опубликованные только в 2007 г. в первом томе полного собрания сочинений: «На избитую тему», «Две встречи», «Дело прошлое», «Держите вора!», «Торжество Фитюльки».

Незаконченные произведения, опубликованные только в 2007 г. в первом томе полного собрания сочинений: «Розочка», <Случилось все это очень просто>, <Из записок алкоголика>, < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>, «Грошовый человек (Полезный работник)».

Тематическая классификация

Бедные люди : «В холоде и золоте», «Случай», «Алеша-дурачок», «Мать», «Грошовый человек (Полезный работник)».

Дети : «В Сабурове», «Петька на даче», «Ангелочек», «Валя».

Женщины : «Загадка», «Он, она и водка», «Чудак», «Любовь, вера и надежда», «У окна», «Друг», «Нас двое», «Две встречи», «Дело прошлое», «Розочка», <Случилось все это очень просто>.

Женщины легкого поведения : «Защита», «Памятник», «На избитую тему».

Преступники : «Что видела галка», «Держите вора!».

Люди, страдающие алкоголизмом : «Баргамот и Гараська», «Торжество Фитюльки», <Из записок алкоголика>.

Вышеперечисленные типы героев – жертвы цивилизации, образа жизни, воспитания. В данном аспекте четко прослеживается философия сентименталистов.

Не определена тема вследствие незаконченности рассказа : < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Мотивная классификация :

Рождественский мотив : «Что видела галка», «Ангелочек».

Пасхальный мотив : «Баргамот и Гараська», «В Сабурове», «Розочка».

Свадебный мотив : «Торжество Фитюльки».

Проанализируем рассказы Л. Андреева в контексте сентиментализма.

1.3.1 Рассказы, опубликованные при жизни писателя

Бедные люди

«В холоде и золоте» (ок. 1892)

Точное время написания рассказа **«В холоде и золоте»** не установлено, указан год публикации в журнале «Звезда».

В сентиментализме **человеческая личность «выражается прежде всего в теме личности самого автора»** [12, с. 433]. Переживания героя рассказа «В холоде и золоте» – во многом переживания Леонида Андреева : он также репетиторствовал и нуждался, как и его герой [см. об этом 1, с. 709].

Как и писатели-сентименталисты, Л. Н. Андреев внимателен к душе **простого бедного человека.** Николай Вольский называет студента в ветхой одежде и обуви «прощелыгой», заявляет, что не собирается с ним церемониться. Жена же его, Надежда (кстати, имя ее тоже примечательно в контексте надежды на лучшее будущее общества), уверена : «Этот прощелыга нисколько не хуже меня и тебя» [1, с. 23].

Подробно описан **внутренний мир** Александра, его переживания из-за своей необеспеченности : он думает о своих старых сапогах и о внешнем виде в целом, стесняется взять деньги вперед.

В произведении прослеживается и линия **чувств.** Скромно, едва заметно, но все же автор намекает на взаимную симпатию Николая и Надежды : он отмечает ее внутреннюю красоту, она слушает его с большим вниманием и продолжает думать о Вольском после неудавшейся сделки.

Л. Андреев использует **уменьшительно-ласкательные лексемы** : «квартирка», «бедненький», «Сашечка», «Сашенька», «к богатеньким, капелька».

В тексте, как и в произведениях сентименталистов, мы видим реализацию принципа **«писать как говорят»**, причем как говорят европейски образованные люди – с обильным использованием **иностранных слов, что примечательно, французских** : «miss», «Nadine», «cache-nez» [1, с. 24].

«Алеша-дурачок» (1898)

Рассказ, или, по авторской трактовке, очерк «Алеша-дурачок» впервые вышел в газете «Курьер» 29 сентября 1898 г.

Как и сентименталисты, Л. Андреев обращается к судьбе **простого бедного человека** – Алеши.

В очерке **пейзаж представлен как отражение чувств и состояния человека :** Алешины «серые тусклые глаза», мольба, «полная несказанной тоски и муки», словно слились воедино с мрачным ноябрем. Рассказчик впервые увидел Алешу в холодный осенний день. Был сильный северный ветер, что весьма символично. Северный ветер является иллюстрацией равнодушия людей друг к другу, беды, одиночества, греховности. Бедный Алеша Андреева в преддверии зимы одет по-летнему, руки у него «синевато-багровые от холода», тело синее, для окружающих он будто упрек, напоминание, что все перед всеми виноваты (код творчества Ф. М. Достоевского).

Автор использует **уменьшительно-ласкательные лексемы : «**дурачок», «коротенький», «папочка», Л. Андреев включает в повествование **разговорные элементы :** «не все дома», «не петушись».

В тексте прослеживается **перифрастический стиль :** жилище распущенной Акулины названо «кадетским корпусом», разгоряченный интимными утехами с кухаркой Дарьей дворник Василий говорит об Алеше, многозначительно посматривая на любовницу : «Куда ему с тупым носом да рябину клевать – рябина ягода не-жная!..»[1, с. 77], гость Акулины говорит о Мелите : «Эх, барин чай пьет, а пузо холодное!» [1, с. 74]. К слову, дом Акулины и отношения слуг представляют **чувственную линию** в рассказе.

Автор употребляет **слова иностранного происхождения,** что свойственно «новому слогу» Карамзина : «рекогносцировка», «для контенансу».

«Случай» (1898)

Рассказ был написан в ноябре 1898 г. Сам Л. Андреев был очень доволен рассказом, а писал его, чтобы не думать об Александре Велигорской [см. 1, с. 730 – 731].

Героями произведения являются **простые бедные люди :** Анна Ивановна, Семен Матвеевич и их дети Катя, Ваня и Петька. Перед читателем ярко представлен **внутренний мир** матери : все ее переживания за нуждающегося в табаке мужа, за больного чахоткой Ванечку, за юную Катю, которую так легко сбить с пути истинного, за непутевого Петьку. Примечательно, что, получив, большую сумму денег, она ни разу не подумала о приобретении чего-либо для себя.

Л. Андреев использует **уменьшительно-ласкательные слова :** «Ваничка» (слово дано в авторской орфографии. – Д. О.), «бумажки», «мамочка», «Катечка».

Писатель обращается к **разговорной лексике :** «погромыхав», «кряхтя», «понюшка», «плюхнулась», «батюшки» (возглас), «загубить».

В тексте наблюдается **перифрастический стиль :** Семен Матвеевич «далеко еще не безопасен для женского сердца» [1, с. 104].

Автор употребляет **слова иностранного происхождения :** «физиономия», «сентенции», «амуниция», «фалетор» (искаж. форейтор).

Дети

«Петька на даче» (1899)

Произведение было написано в июле 1899 г., опубликовано в № 9 издания «Журнал для всех». Этот журнал был популярным и многотиражным, поэтому публикация в таком издании стала важным этапом в развитии молодого литератора. Рассказ напечатали благодаря Максиму Горькому, который порекомендовал Леонида Андреева редактору В. С. Миролюбову [см. 1, с. 740].

Как и в сентиментализме, в рассказе «Петька на даче» присутствует **чувственность,** причем в самых ее грубых проявлениях. Парикмахерская находится недалеко от квартала с публичным домом. На стене висит картина с двумя голыми женщинами на берегу моря, что сразу же отсылает к острову Лесбос и всему, что с ним связано. Примечательно, что мухи облюбовали именно эту картину для вывода продуктов жизнедеятельности из организма.

Пейзаж символичен : рядом со скамейкой, где предаются разврату пьяные мужчины и женщины, трава порыжела от солнца. Нечто чистое утрачено, красота и былая мощь увяли.

Природа созвучна состоянию Петьки : заплаканный мальчик уезжает в Москву, и прекрасные поля, «седые от ночной росы», убегают от него в противоположную сторону.

Сентименталисты прибегали **к нарушению религиозных рамок.** Мальчики в рассказе «Петька на даче» **эстетизируют окружающую действительность** вопреки ее ущербности : тринадцатилетний Николка курит папиросы, сплевывает сквозь зубы, употребляет обсценную лексику, хвастается знакомством с водкой и плотской распущенностью. Младший Петька слушает все это и восхищается. Примечательно, что эта эстетизация происходит именно в сознании детей.

В то же время Петька непосредствен, открыт, от него исходит душевное тепло. Он хочет поделиться своей радостью со всеми. В поезде он кладет руку на колени и плечи незнакомых пассажиров, они в основном отвечают ему улыбками. Настоящий **чистый ребенок,** которым так восхищался Ж.-Ж. Руссо.

В рассказе прослеживаются идеи Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо о **естественном человеке :** важнейшим является близкое к природе состояние индивида, противопоставляются спасительная природа и губительная цивилизация. Леонид Андреев называет Петьку «современным дикарем», «выхваченным из каменных объятий городских громад» [1, с. 166]. Для Петьки все настолько необычно, что он чувствует себя «беспомощным», однако он быстро осваивается в столь непривычной обстановке. Мальчик хочет обнять

полянки, «как сестер», а темное небо для него словно мать. Купающийся Петька похож на щенка, это умилительное уподобление тоже свидетельствует о максимальной естественности. Мальчику не нужна суетная Москва, ведь у него и так много дел : «нужно пять раз выкупаться, вырезать в орешнике удочку, накопать червей» [1, с. 168]. Петька ходит босиком, ведь это гораздо полезнее и приятнее, он в восторге от ощущения травы под ногами. Мальчик забыл город, ведь найдено то место, которое Петька искал всю свою недолгую жизнь.

Автор, как и сентименталисты, часто использует **уменьшительно-ласкательные лексемы** : «простынка», «тоненький», «усики», «глазки», «тоненькие», «морщинки», «Николка», «ангелочки», «травка», «беленькие», «облачка», «серенькие», «полянки», «носик», «березки», «сынок», «камешки», «худенькое», «воротничок», «тихонький», «молоденькие», «дурачок», «ручонка».

Встречается и **слово иностранного происхождения :** «амбразура».

«Валя» (1899)

Рассказ был опубликован в «Журнале для всех», в № 2 за 1900 г. под названием «Мать». Исследователи считают, что фабула произведения могла быть навеяна судебным отчетом [см. 1, с. 744 – 745]. К развитию темы детской жизни Леонида Андреева подтолкнул успех рассказа «Петька на даче».

Часты в рассказе **«слезные ситуации».** Плачет Настасья Филипповна, встречая настоящую маму Вали, проводив ее, разговаривая с мужем Григорием. Плачет мама, которая, глядя на Валю, вспомнила его отца.

Есть в тексте и **любовная драма, чувственная коллизия,** свойственная сентименталистским текстам, причем она сопровождается **эстетизацией окружающей действительности.** Из возмущений Григория Аристарховича мы узнаем, что мать Вали любила театры, концерты, а отец ребенка бросил ее.

Стоит обратить внимание и на книгу, которую читает мальчик (сказка Х. К. Андерсена «Русалочка»). Перед читателем предстает **жуткая любовная история :** чувство русалочки остается незамеченным принцем, потому что она немая. Принц женился «на веселой принцессе», а русалочка во время свадебного торжества покончила с собой. В некоторой степени книга перекликается с повестью **«Бедная Лиза»** (1792) : корыстный выбор героя, самоубийство героини.

Важнейшее место занимает в душе Вали **жалость.** Это слово несколько раз появляется на страницах рассказа Леонида Андреева. Вызвать ее может что угодно : образы из книг, несчастная мама. Ему жалко русалочку, которая не будет с любимым, жалко «бедную» (кстати, снова отсылка к бедной Лизе) маму, такую забитую и такую несчастную. Примечательно, что мама в его сознании ассоциируется с бедной русалочкой, оставленной принцем.

В тексте мы видим **уменьшительно-ласкательные слова :** «коротенький», «обезьянки», «молоточек», «пальтецо», «шапочка», «русалочка», «Валечка», «кроватка», «лошадки», «горбинка», «беленький», «блюдце».

Присутствуют в тексте и **разговорные элементы : «**деточка», «прохвост», «дудки» (значение отказа), «звякнуть».

Автор употребляет **слово иностранного происхождения,** что свойственно «новому слогу» Карамзина : «инцидент».

В произведении Л. Андреева прослеживается и сентименталистский **перифрастический стиль :** «эта особа», «женщина, которая приходила за Валей», «высокая женщина» вместо имени матери Вали; про отца Вали Григорий говорит жене так : «… этот… ну да, черт возьми, ты понимаешь, о ком я говорю?» [1, с. 180].

Дети

Рождественский мотив

«Ангелочек» (1899)

Рассказ был опубликован в газете «Курьер» за 25 декабря 1899 г. с посвящением А. М. Велигорской. Автобиографическим является описание ангелочка – такая же игрушка была у маленького Л. Андреева [см. об этом 1, с. 759]. И простые читатели, и критики восприняли рассказ положительно, он переведен на множество языков. А. А. Блоку произведение напомнило рассказ «Мальчик у Христа на елке» Ф. М. Достоевского. Сюжет «Ангелочка» поэт использовал в стихотворении «Сусальный ангел» (1909 – 1911) [см. 1, с. 763 – 764].

Сентиментализму свойственно внимание к людям низших сословий. Сашка в рассказе «Ангелочек» – бедный мальчик из неблагоприятной семьи.

В произведении мы видим типичные для сентиментализма **«слезные ситуации» :** ангелочек настолько трогает душу Сашки, что он, хулиган и грубиян, даже прослезился; «плачут больные сердца» мальчика и его отца.

Неоднократно встречается слово **жалость**. Оно связано с образом отца Сашки Ивана Саввича и помогает в полной мере осознать всю трагичность его положения.

Введена в рассказ и линия, связанная с **чувством :** Иван Саввич любил Софью Дмитриевну, а она вышла замуж за другого. Примечательно, что в сознании ребенка эта ситуация отражается остро, он считает поступок Софьи изменой вопреки тому, что свадьба отца состоялась раньше.

Введение в текст образа волшебного ангелочка помогает Леониду Андрееву глубоко проникнуть во **внутренний мир человека,** показать грани переживаний бедных людей разных возрастов.

Уменьшительно-ласкательное слово вынесено даже в название рассказа. Вообще же в тексте наблюдается обилие таких слов : «тоненькие», «коленки», «низенькая», «кругленькие», «носики», «косичка», «ленточка», «чистенькие», «головки», «узенькие», «ножичек», «крылышки», «глазки», «тетечка», «слезинки».

Наблюдаются в тексте и **разговорные элементы : «**орал», «полуношничаешь» (слово дано в авторской орфографии. – Д. О.), «стащить», «растопырил».

Дети

Пасхальный мотив

«В Сабурове» (1899)

Первые читатели увидели рассказ на страницах газеты «Курьер» 18 апреля 1899 г. В основе сюжета – судебный отчет Леонида Андреева. Правда, прототип Пармена Костылина в реальности не был таким смиренным и стрелял в хозяйку дома. Произведение было принято душевно, некоторые даже посчитали его лучшим из рассказов Леонида Андреева [см. 1, с. 735].

Ж.-Ж. Руссо развивал идеи о **«естественном» воспитании** детей, полагая, что в них изначально заложена некая духовная мощь, которую легко испортить. Санька из рассказа Леонида Андреева «В Сабурове» – пример нравственно полноценного ребенка, ее чистота, духовность особенно четко воспринимается на фоне ее бессовестных родственников : матери Пелагеи, братьев Гриши и Мити. Она воспринимает мир целостно, не зацикливаясь на внешних недостатках, умеет разглядеть внутреннюю суть явлений. Ее, маленькую девочку, не пугает даже отсутствие носа у Пармена. И пусть некоторые жизненные ситуации Санька воспринимает довольно наивно (например, думает, что Пармен вернулся на Пасху, потому что его никто ни кормит после расставания с Пелагеей), она улавливает основополагающее духовное зерно : необходимость чуткости друг к другу, восхищение внутренней красотой, благодарность за добро.

Пейзаж в рассказе Леонида Андреева созвучен состоянию людей, как и в произведениях сентименталистов.

Недовольство, неблагодарность Гриши автор сравнивает с облачком в чистом небе.

Покинув дом Пелагеи, устроившись на работу сторожем, Пармен слышал по ночам «протяжный вой».

Не принятый у Пелагеи, Пармен сгорбившись идет по улицам. Это сопровождается тишиной, нарушаемой воем собаки.

Природа и Пармен находятся в гармоничной связи, работа сторожем в лесу помогает герою пережить случившееся и детально обдумать дальнейший правильный план действий. Приходит весна – оживает и Костылин, в его душе зарождается надежда вернуть былое счастье, такое простое и такое необходимое. Природа в тексте в основном символизирует эту надежду. Идя к тем, кого считает своей семьей, Пармен проваливается в снег по колена, под снегом же – чистая прозрачная вода. Пахнет и свежестью, и холодком, овраг наполовину заполнен снегом, тихо бурлит весенняя вода, «из беспросветно-черной дали доносился неясный гул и треск». Наступает Великий праздник Пасхи, и звон колоколов, несущийся по всей округе, сообразен с разлившейся рекой и бесконечными полями.

Сентиментализм как система взглядов является в колыбели философии Просвещения. Данная философия имеет **антиклерикальную направленность.** Мотивы, направленные против церкви, мы видим и в рассказе Леонида Андреева «В Сабурове». Поповский работник Митрофан пьет вместе с попом «от трудов праведных», более того, собирается пить и у Тита, и у Макара, и еще не у одного знакомого.

Есть в произведении Леонида Андреева и **«слезная ситуация».** Встретившись с Санькой после долгой разлуки, Пармен плачет, а девочка успокаивает его, удивляется, увидев на лице сильного дяди Безносого слезы.

Присутствуют в тексте и **разговорные элементы :** «ковыляла», «засмеяли», «сгрудившаяся», «замусоленный», «зареву», «ревет».

Женщины

«Загадка» (1892)

Рассказ был напечатан в «Орловском вестнике» в 1892 г.

Автор помещает читателя в **«амурную» атмосферу** : дочки читают романы, влюбляются, сыновья ухаживают за гимназистками. Евгения Дмитриевна начиталась романов, поэтому ищет «необыкновенных чувств» [1, с. 38]. Сергей Болотин признает, что находится в полной зависимости от переживаний.

Чувства героев часто иллюстрируются явлениями природы, как в произведениях сентименталистов.

Вспомним повести Н. М. Карамзина **«Бедная Лиза»** и **«Наталья, боярская дочь»** (1792). В тот момент, когда Лиза согласилась на близкие отношения с Эрастом, природа резко меняется, как бы сигнализируя о недобром, о кардинальных изменениях в судьбах персонажей повести: «блеснула молния», «грянул гром», буря «грозно шумела», «дождь лился из черных облаков» [19, с. 615 – 616]. Н. М. Карамзин отмечает, что природа негодует в связи с потерей невинности Лизы. Страсть в повести «Наталья, боярская дочь» иллюстрируется вьюгой. Примечательно, что подобный прием позже использует Б. Л. Пастернак в романе «Доктор Живаго», в частности, в стихотворении Юрия «Зимняя ночь». Л. Н. Андреев показывает светлые чувства Сергея Болотина и Евгении Занегиной на фоне июльской ночи : «Сидели они в саду над рекою. <…> Над головой темное, бездонное небо, яркие звезды, манящий к себе серп месяца. Воздух и нежит, и ласкает; весь бы, кажется, вдохнул в себя... Хочется сжать в своих объятиях весь этот бесконечный мир: и луну, и звезды, и землю» [1, с. 40]. Л. Андреев сравнивает природу с женщиной : «Природа – женщина в такие дни и ночи» [1, с. 40]. Перед нами **идиллическая** картина, типичная для сентиментализма : счастливые беззаботные влюбленные на лоне прекрасной природы.

Изменение чувств Сергея и Евгении сопровождается «скверной», «доджливой» осенью. «С неведомой красавицы» текут «румяна и белила», что ставит под сомнение истинность любви между героями, перед нами предстает скорее любовь воображения, а не сердца (такое ясное различие И. С. Тургенев вложил в письмо Рудина к Наталье). Небо становится «свинцовым», кружит стая ворон, они «вероятно, завидели дохлую собаку». Одно только указание на ворона свидетельствует о надвигающейся беде, что, к слову, являет нам фольклорную традицию в творчестве Л. Андреева.

Есть и еще одна параллель с повестью **«Наталья, боярская дочь»** (1792). В «Загадке» Торобьев слушает разговор Болотина и Занегиной ему кажется, что Сергей намерен увезти Евгению Дмитриевну. Наталья Андреева, героиня повести Карамзина, была увезена из родительского терема Алексеем Любославским.

Сергей вспоминает счастливое время, оно ассоциируется у него с шелестом деревьев и жужжанием. В отчаянии он даже бросает камнем в ворону, словно мстя природе за ушедшую гармонию.

В текст включены **разговорные слова,** например : «кавардак», «заартачится».

«Он, она и водка» (1895)

Рассказ «Он, она и водка» был помещен в «Орловском вестнике» за 9 сентября 1895 г. Толчком к созданию произведения стало чувство Леонида Андреева к гимназистке Надежде Александровне Антоновой. Таким образом, в произведении ярко выражены **переживания самого автора.**

Перед нами **психологический анализ личности** героя : в голове у него не хватает «винта», он посылает к черту таланты и желает развивать ум, он ничему не верит, вдруг решает искать женщину и так далее.

Данный рассказ требует пристального внимания в контексте сентиментализма. Л. Андреев подробно, с особым психологизмом, описывает динамику **чувств и чувственности.**

Уже начало рассказа указывает нам на тематику произведения : «Он любил ее, но она его не любила... А может, и любила, но странно как-то вышло все это» [1, с. 28].

Л. Андреев не избегает указания на чувственное начало : «Но к черту женщин он не послал. Они подобны подсолнухам; раз станешь лущить (грызть), потом трудно отстать» [1, с. 30].

Герой плачет от любви, что являет перед нами сентиментальную **«слезную ситуацию».**

Автор вводит читателя в **идиллическую** обстановку: яблони цветут, воздух благоухает, в каждом темном уголке, будто «луч света в темном царстве», сидит парочка. «Кругом слышался легкий неуловимый шелест; лицо задевали чьи-то легкие и ласковые крылья; чье-то горячее дыхание колебало листья. Все жило и любило и радовалось; действительность была сном, и сон действительностью» [1, с. 31]. **Между героем рассказа и природой устанавливается гармоничная связь,** природа словно указывает разочаровавшемуся человеку на спасение, обретение смысла бытия и счастья. «Природа требовала жизни и любви», – пишет Л. Андреев [1, с. 29]. Герой встречает возлюбленную на лоне природы, ее появление подобно эпизоду идиллии или появлению Афродиты из морской пены : «...То было в лесу, в зеленом веселом лесу. Ярко светило солнце, ласково шелестели вершинами деревья; одуряющие испарения подымались от нагретой земли. И в ореоле солнечных лучей, в блеске и свете яркого дня явилась пред ним она – та, которую он искал, та, для которой безумною силой забилось его больное, измученное сердце. Лились, трепетали звуки чарующей песни, и заслушались их и голубое спокойное небо, и веселый зеленый лес...» [1, с. 30].

В произведении Л. Андреева прослеживается и сентименталистский **перифрастический стиль.** Герой рассказа заявляет : «На то я и царь природы, чтобы стоять выше ее слабостей» [1, с. 29].

Важнейшим элементом сентименталистской эстетики являются **письма.** Точка в отношениях героев рассказа «Он, она и водка» поставлена именно эпистолярным способом : он пишет ей, она отвечает.

«Чудак» (1896)

Произведение напечатано в газете «Орловский вестник» за 29 июня 1896. Предполагалось продолжение рассказа, но, по-видимому, прототипы угадывались орловскими читателями, и публикация прекратилась [см 1, с. 716].

Перед нами рассказ **о чувствах** с использованием **уменьшительно-ласкательных лексем, «любовной» лексики.** При этом в данном произведении мы видим пародию на сентиментализм.

Произведение повествует нам о влюбленности некоего «чудака» в крайне экзальтированную особу. Их **внутренний мир, чувства** обнажены до безобразия. Рассказчик с юмором описывает нам эту ситуацию. Это мы понимаем благодаря любопытной отсылке. Рассказчика зовут Эразм. Ему приходится часами выслушивать *хвалу «ей»,* т.е. девушке, от своего друга (курсив наш. – Д. О.). Внимательный читатель просто не может не вспомнить Эразма Роттердамского и его *«Похвалу глупости*.

Таким образом, в тексте наблюдается и **культ женщины,** свойственный сентиментализму. Как известно, данный культ введен М. М. Херасковым и развит Н. М. Карамзиным. Последний даже хотел, чтобы его надгробной эпитафией был следующий текст : «Он нежной женщины нежнейшим другом был!» (Н. М. Карамзин, «Послание к женщинам», 1795). Также в контексте художественной архаики уместно вспомнить и средневековый культ прекрасной дамы.

Личность влюбленного героя предстает перед читателем вкупе с поучениями опытного повествователя (который, к слову, весьма автобиографичен), что является важным признаком сентиментализма.

В отношении рассказа справедливо говорить об определенном **дружеском посыле,** который выражается в комментариях повествователя. Этот посыл имеет параллели с одним из основных жанров сентиментализма – дружеским посланием.

Л. Андреев несколько раз использует следующие **уменьшительно-ласкательные лексемы :** «глазки», «голосок».

Рассказ изобилует **«любовной» лексикой :** «влюбился», «любит», «любовь».

Присутствуют в тексте **разговорные элементы : «**катавасия», «помаленьку», «глядь».

«Любовь, вера и надежда» (1898)

Произведение «Любовь, вера и надежда» было опубликовано в газете «Курьер» за 17 сентября 1898. На рассказ повлияли отношения писателя с А. М. Велигорской, поэтому справедливо говорить **о теме личности самого автора.**

Как и в рассказе «Он, она и водка» (1895), уже начало раскрывает нам важную тематику произведения – любовную. Автор пишет «Он любил», «Все эти юноши любили и увековечили свою любовь», «Макс был глубоко убежден, что он первый открыл способ любить так горячо, беззаветно, страстно…» [1, с. 64], и тем самым создает атмосферу **сильного чувства, далее развивая его роковое влияние на жизнь человека.** В этом рассказе Л. Андреев предлагает своеобразную формулу любви : «Были женщины красивее ее, были умнее, – но была ли женщина лучше?» [1, с. 64].

В произведении мы видим типичный для сентиментализма роковой конец любовной истории, страсти доходят до самоубийства : героя спасли после попытки суицида. Это заставляет нас вспомнить конец «Бедной Лизы».

При наименовании героя этюда Л. Андреев обращается к **перифразе** : «господин Эн-плюс-единичный».

«У окна» (1899)

Рассказ опубликован в газете «Курьер» за 3, 6 и 7 августа 1899 г. Положительно отзывался о рассказе Л. Н. Толстой. Еще при жизни Леонида Андреева произведение было переведено на немецкий, болгарский, польский, французский, чешский и испанский языки [см. 1, с. 736, 739].

Л. Андреев внимателен к **внутреннему миру** Андрея Николаевича : глубокие наблюдения за красивым соседским домом,

Важное место занимает **«амурная ситуация» :** желание многих добиться ее чувственной благосклонности, свидания Наташи и Андрея Николаевича, ревность Гусаренка.

Героиня внимательна к **тонкостям чувств** и жизни вообще. Она противопоставляет свою жизнь, в которой царит неграмотность, скучное ремесло папиросницы, наглые заигрывания, и жизнь Андрея Николаевича, по ее мнению благородную, где говорят благородно, читают хорошие чувствительные книжки.

Пейзаж иллюстрирует состояние героев, как и в сентиментализме.

Спокойствие Андрея подобно дну моря, отделенному от бурь темно-зеленой массой воды.

Герой вспоминает «страшные дни» своей жизни и видит в окно тучу и терзаемую ветром «бессильную» ракиту.

Нехорошие мысли «раздвигают стены, снимают потолок и бросают Андрея Николаевича под хмурое небо» [1, с. 146].

Воспоминания Андрея созвучны с разорванными тучами, скупым светом солнца, печальной и мокрой улицей. В памяти от всех лет героя, за все тридцать четыре года, только серый туман.

Вечер и тишина подталкивают героя к грустным размышлениям о жизни.

Художники слова представляют эротическое полотно в разных красках и ассоциациях. У кого-то это вьюга и белый цвет (например, «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина, 1792), у кого-то – огонь и красные тона (например, «Красное и черное» Стендаля, 1830). У Б. Л. Пастернака эти противоположные уподобления соединились : в знаменитом стихотворении Юрия Живаго фигурируют и снежная мгла, и горение свечи. В рассказе Леонида Андреева «У окна» страсть последовательно иллюстрируется природными явлениями, как и в произведениях сентиментализма. Вспомним повесть «Бедная Лиза» (1792), где гром и молния сопровождают чувственное свидание девушки и Эраста. Близость же Андрея и Наташи созвучна «багрово-красной полоске на горизонте», обещающей «назавтра ветер» [1, с. 152]. Возле шалаша горит костер, пламя его напоминает автору лезвие. Фуражка Андрея катится по неровностям обрыва. Небо темное, край земли черный, диск луны красный, река, тростник и черная даль «застыли в немом ужасе», огненные круги режут темноту. Таким пейзажем автор дает нам понять, что ничего хорошего от этой связи, увы, ожидать нельзя.

Наблюдаем в рассказе и **«слезную ситуацию» :** Андрей во время близости хочет сказать Наташе что-нибудь «жалостливое, чтобы Наташа заплакала», но не может подобрать слов.

Мы видим в произведении **уменьшительно-ласкательные слова** «рыженький», «морщинка», «волосики», «маменька», «сынишка», «хорошенький».

Л. Андреев включает в повествование **разговорные элементы :** «бурчавший», «девалась», «голубчик», «сынишка».

В тексте прослеживается **перифрастический стиль :** «не нужно целовать в глаза – примета нехорошая» [1, с. 151] вместо признания в любви.

Встречается и **слово иностранного происхождения :** «маркиза».

«Друг» (1899)

В черновом автографе рассказ назывался «Собака». Произведение Л. Н. Андреева «Друг» было опубликовано в газете «Курьер» за 13 ноября. В

тексте много автобиографического : мечты писателя о славе, пристрастие к алкоголю, влюбленность и надежда на то, что любовь к конкретной женщине спасет [см. 1, с. 743 – 744]. Как и в сентиментализме, **человеческая личность выражается в первую очередь через личность самого автора.**

Представитель **природы** пес Васюк представлен как **совершенное существо**, как **самый близкий друг** Владимира и **хранитель истины.** Состояние души Владимира Михайловича вызывает отклик у Васюка : когда он едет пить с компанией, собака беспокоится; он получает признание, становится знаменитым – она радуется вместе с ним (лает звонче обычного и даже научилась смеяться).

Важное место в произведении занимает линия **чувств.** Влечение к Наталье Лаврентьевне разрушает то доброе в его жизни, чего и так мало. Красота может стать или помощником человека, или разрушительным началом и для него самого, и для окружения. Об этом писали Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский. Первый в «Выбранных местах из переписки с друзьями» отметил, что женщинам Бог дал красоту для того, чтобы они были важнейшими побудителями к добру, ведь их привлекательность поражает даже людей бесчувственных и на первый взгляд ни к чему не способных [см. 9, с. 15]. Второй так определил красоту в своем романе «Братья Карамазовы» : «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [12, с. 100]. В рассказе Леонида Андреева мы наблюдаем именно падший вариант красоты, что в принципе уже таковой не является : Наталья окутывает героя своим туманом, заставляя Владимира забыть обо всем, в том числе о самых преданных ему существах, кокетничает и легко уходит от героя вместе с его славой.

Чувственность, как и в рассказе «У окна», иллюстрируется огненными ассоциациями. Страстное свидание Владимира Михайловича и Натальи Лаврентьевны сопровождается такими художественными элементами, как «осенняя ночь», «огнистый след», «светляк».

Примечательно, что в пейзаже присутствуют и «холодные» детали. Воздух «свеж и чист». Окружающее пространство словно показывает читателю, что вся эта вроде бы любовная история не несет в себе никакого человеческого тепла (разумеется, в переносном смысле). В это пространство входит и Наталья с ее «свежими» губами и «холодной» щекой.

Таким образом, в художественном пространстве переплелись два начала : страстное чувство и равнодушие, искусно прикрытое любовным интересом.

Н. А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день» писал : «… сентиментальность именно и характеризуется избытком чувств и слов при совершенном недостатке деятельной любви…» [11, с. 200]. Именно такую суть несет в себе и **«слезная ситуация»** рассказа «Друг». Владимир гладит собаку,

уверяет, что она – друг его единственный, при этом абсолютно не помнит ни своих обещаний, данных этому другу, ни элементарных потребностей Васюка.

Мы видим в произведении **уменьшительно-ласкательные слова :** «легонько», «комочек», «пятнышко», «тоненькая».

Л. Андреев включает в художественное произведение **слова,** маркированные как **разговорные** : «легонько», «худо».

Женщины легкого поведения

«Защита» (1898)

8 ноября 1898 г. история одного дня опубликована в газете «Курьер». Источником для произведения послужил судебный отчет, скорее всего, самого Леонида Андреева [см. 1, с. 725]. Симптоматично имя, данное автором главному герою – Андрей Колосов. Сразу вспоминается одноименная повесть И. С. Тургенева и ее персонаж, который цели имел вроде бы благородные, стремился к искренности, а на деле выступил незрелым никчемным человеком. Таковым является и Колосов Леонида Андреева.

Перед нами не просто помощник присяжного поверенного, перед нами человек со всеми своими проблемами, чувствами, потребностями. Л. Андреев внимателен к **внутреннему миру** Колосова : подробно описаны его зависимость от вредной привычки, усталость, переживания из-за материальных проблем, стыд целовать своих детей, когда не смог спасти Таню, потерявшую ребенка.

Проститутку Таню Палашову автор сравнивает с героиней драмы, что уже отсылает читателя к **борьбе страстей и роковым событиям**, свойственным сентименталистским произведениям. Контекст проституции образует **сферу чувственности,** причем чувственности не поневоле. В том, что она – женщина легкого поведения, Татьяна признается без стеснения, даже с неким хвастовством, с удовольствием «оскорбляет слух вульгарностью и резкостью выражений», сразу же погашая таким образом какое бы то ни было сострадание в суде.

Как и во многих других рассказах, Л. Андреев предлагает нам **«слезную ситуацию».** Мальчик-свидетель своей искренностью и чистотой вызывает умиление всех присутствующих на заседании. Он как некий луч света, объединяющее звено для всех : подсудимых, обвинителей, защитников. Примечательно, что Андрею Колосову хочется бежать из суда именно к ребенку, чтобы приникнуть к его чистому маленькому тельцу. Чистота детей акцентировалась сентименталистами, достаточно вспомнить философию воспитания Ж.-Ж. Руссо.

Автор обращается к **природе.** В суде Андрей Колосов представляет чистое голубое небо, зеленые луга, солнце в глубокой дали. Это гавань, в которую помощнику присяжного поверенного хочется сбежать от напряжения и несовершенства окружающего мира.

В связи с Таней Л. Андреев использует метафору «туча обвинения», чтобы в полной мере передать беду, нависшую над героиней. Вообще, преступление и

ситуация в суде предстает именно в образе туч, которые заволокли чистые небеса.

Л. Андреев включает в художественное произведение **слова и выражения,** маркированные как **разговорные** : «выколачивает», «смешок».

Автор использует **перифрастический стиль :** «презренное и жалкое создание» вместо проститутка, «барин с золотыми пуговицами» вместо пристав.

Писатель, как и представители сентиментализма, использует **уменьшительно-ласкательные слова : «**молоденькая», «хорошенькая», «худенькое», «худенький», «слезинки», «чистенькое», «тельце», «батенька».

«Памятник» (1899)

Рассказ был опубликован в газете «Нижегородский листок» за 15 апреля 1899 г. В это время Леонид Андреев начинал творческое сотрудничество с Максимом Горьким. Горький разыскал Андреева через сотрудника газеты «Курьер». В переписке с Н. П. Алешовым Горький назвал рассказы Андреева «славными» [см. 1, с. 733 – 734].

Пейзаж в рассказе созвучен с состоянием героев. Они одиноки, пейзаж печален : моросит дождь, ветки деревьев мокрые и голые, вокруг мертвая тишина.

Героиней рассказа Андреева снова является проститутка, что предполагает некий **чувственный** контекст. Но, в отличие от Тани Палашовой, Паша Лопастая, скорее всего, не питает особого удовольствия к беспорядочным плотским утехам. И ей закрыт доступ в кофейни и подобные заведения, по которым ходила Татьяна. Герой – мужчина-писатель. Читатель ждет чувственности, а получает **жалость**. В ожидании и реальности причудливо сплетаются обе черты сентименталистских произведений.

Тексты, написанные Алексеем Георгиевичем Орловым, явно сентиментальные. Роман называется «Отринутое сердце». Стихотворение «изображало злоключения какой-то девицы, жившей на берегу Рейна в гордом и неприступном замке». Девица в итоге утопилась. Ситуация, описанная в стихотворении, очень напоминает нам произведения Н. М. Карамзина – повести **«Остров Борнгольм»** (1794) и **«Бедная Лиза»** (1792). Сходны и сюжет, и образы произведений. Как и в повести «Остров Борнгольм», в стихотворении Алексея Георгиевича есть замок и скорбящая женщина, заключенная под стражу за преступные чувства. Ее суицид и даже его форма (утопилась) отсылают к повести Карамзина «Бедная Лиза».

Стиль текстов Орлова напоминает **стиль сентименталистов.** Природа описывается подробно, есть намек на некую любовную ситуацию : «В сладкой тишине ночи, напоенной ароматами весны, вдруг полилась трепетная, серебристая песнь соловья: тиу, тиу, тиу; дзон, дзон, дзон; фюить, фюить, фюить; ро-ро-ро...» [1, с. 127].

Представлена **«слезная ситуация» :** Алексей Георгиевич плачет, открывая Паше свою душу.

Перед нами, как и в произведениях сентиментализма, **психологический анализ личности :** читатель видит все переживания Алексея Гавриловича по поводу своей творческой несостоятельности

Фигурируют в рассказе Леонида Андреева и **уменьшительно-ласкательные слова : «**глазки», «цыпленочек», «голубушка», «Пашечка», «фигурка», «коротенький», «пиджачок», «могилка», «сапожки».

Л. Андреев использует **перифрастический стиль :** «рынок того труда, одной из представителей которого… она была» вместо проститутка; «внешность Паши не оставляла сомнений, что она видела погоду…»; «то неизбежное», ради которого Пашу «поят» и «обогревают».

Автор также включает в художественное произведения **слова и выражения,** маркированные как **разговорные** : «затянулась» (в контексте курения), «хихиканье», «чепуха».

Преступники

Рождественский мотив

«Что видела галка» (1898)

Произведение «Что видела галка» опубликовано в газете «Московский вестник» за 25 октября 1898 г.

Мы видим ситуацию несовершенного мира, в котором один считает себя вправе нападать на другого, потворствуя животным инстинктам. Происходящее на дороге предстает еще страшней на фоне жизни галки : она питается мертвыми, а люди нападают на живых. **Эту прискорбную ситуацию иллюстрирует и холодящий душу пейзаж :** «бесконечная снежная равнина», «ночной мрак», который «окутал холодным саваном замерзшую землю». Все это сопровождается диким воем волков.

В тексте прослеживается **перифрастический стиль :** «галкина собственность» вместо труп, «закутанные фигуры», «две фигуры» вместо разбойники.

Автор употребляет **слова иностранного происхождения** : «комфортабельно».

Как и сентименталисты, Л. Андреев вводит **неологизм** : «междуживотное право».

Люди, страдающие алкоголизмом

Пасхальный мотив

«Баргамот и Гараська» (1898)

Рассказ стал вехой в творчестве Леонида Андреева. Его публикация принесла автору успех и признание. Это произведение Леонида Андреева называли «украшением всего пасхального номера» газеты «Курьер» за 5 апреля 1898. Рассказ читали вслух, о нем говорили в вагонах поездов [см. 1, с. 700 – 701, 717].

Снова мы видим **внимание к простому человеку**, даже личности маргинальной. Автор дает нам понять, что пьющий Гараська – «тоже душа живая», человек, имеющий совесть и способный к сопереживанию.

Н. М. Карамзин в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» писал, что слезы питают наши добрые чувства [20, с. 180] В рассказе Л. Н. Андреева много моментов, которые вызывают **слезы.** Например, момент, когда разбивается пасхальное яйцо. Не только Гараське, но и читателю больно, ведь разбивается не вещь, разбивается некий сакральный символ, который накануне большого религиозного праздника становится едва ли не самым важным в мире. Кстати, сюжет, связанный с разбитым яйцом, архаичен в силу принадлежности общеизвестной сказке.

Также вызывает слезы и последняя сцена – удивление Гараськи, которого никто никогда по отчеству не называл, обращению «Герасим Андреич». Публицистически одаренный Андреев почувствовал, как закончить свой пасхальный рассказ.

В данном рассказе мы встречаем **уменьшительно-ласкательные слова :** «Ванюшка», «яичко», «сестренка», «пьянчужка», «Ванятка», «детишки». Да и само имя Гараська (Гарася, производное от имени Герасим; встречается также в романе «Новь» И. С. Тургенева, в редакции романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 1929 г. Степан Лиходеев именовался Гарасей Педулаевым) нежное, умиляющее. Употребление данных слов помогает задействовать в творчестве как можно больше эмоционального, субъективного, что так ценилось сентименталистами. У Андреева суть данного приема в том, чтобы создать полюс добра и милосердия, атмосферы света, нравственного очищения. Часто такие слова употребляются в контексте детства, ведь дети – побудители к единению людей в добром.

Автор также включает в художественное произведения **слова и выражения,** маркированные как **разговорные** : «пьянчужка», «заскорузлые».

Л. Андреев использует **перифрастический стиль :** «городовой бляха № 2», «кусок мяса» вместо Иван Акиндиныч, у пьющего Гараськи «самые тесные отношения» с фонарем, «костить, без всякой причины, здорово живешь» вместо бранить или материть, «физиономия <…> хранила на себе вещественные знаки вещественных отношений к <…> кулаку ближнего»,

Писатель также любит обращаться к **словам иностранного происхождения :** «резюмировал», «констатировал».

1.3.2 Произведения, опубликованные только после смерти Л. Андреева в советских изданиях

Бедные люди

«Мать» (1898)

Первоначальное название – «Мария Петровна».

Опубликован в газете «Неделя» за 5 – 11 ноября 1965 г.

Ярко выражен **чувственный** аспект : описывается Тверская улица со всеми ее грубыми ночными удовольствиями.

Автор часто использует **уменьшительно-ласкательные слова :** «узенькие», «кофточка», «чистенькая», «бантик», «воротничок», «Манечка», «слабенький», «пьяненький».

Сентименталисты **нарушали религиозные рамки.** В ситуации «богомолья», описанной в рассказе Леонида Андреева «Мать», есть некое низвержение сакральных установок, ассоциация религиозного со смертью.

Пейзаж созвучен позиции Зинаиды Марковны : своей смертью она надеется избавить дочь от ужасающей нужды, и поезд несется, оставляя за собою «унылые и скучные поля».

Писатель употребляет **слова иностранного происхождения :** «тотализатор», «пульверизатор», «майор», «коммерсант», «экипаж».

Примечателен момент, связанный с **французским языком.** Как известно, Н. М. Карамзин сделал много калек с этого языка, считая, что он благороден, прекрасен и должен служить образцом. Коммерсант, предлагающий Маше стать его содержанкой, хочет «облагородить» свое поведение обилием французских слов.

В текст включены **разговорные слова :** «капиталец», «не загащивайся».

Женщины

«Нас двое» (1899)

Произведение написано 28 января 1899 г. С сокращениями, но все же опубликовано в газете «Неделя» за 18 – 24 июля 1965 года.

Перед нами типичное произведение Серебряного века с его инфернальной и некрофильской направленностью : «дьявольское» веселье, склонность к суициду, «сладострастное» представление разложения своего трупа. При этом рассказе четко прослеживаются элементы сентименталистской эстетики. Примечательна игра названия : читатель думает, что речь пойдет лишь о влюбленных, на деле же встречаем, опять же, типичное для Серебряного века еретическое представление о двух половинах человека – доброй и злой – и о невозможности полной победы одной из них. Идея восходит к богомильскому апокрифу о ветошке, входящему в состав Повести временных лет [см. 5, с. 83]. Волхвы говорят Яну Вышатичу : «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. <…> И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил» [29, с. 191].

Состояние человека часто иллюстрируется в тексте явлениями природы. Полусвет сумерек придает прозрачность лицу Натальи Михайловны, от ее фигуры веет свежестью и белизной, как от только что распустившегося жасмина». Только силуэт героини и цветы жасмина выделяются из мрака. Героиня читает якобы предсмертную записку Константина Савицкого, а в это время заходит солнце и темнеет сосна, «густеют ночные тени». Когда Наталья дочитала письмо, порыв ветра «колыхнул вершины деревьев». **Письмо,** к слову, тоже свойственный сентиментализму художественный элемент.

Ключевое место в рассказе занимают **чувства** и **культ женщины,** свойственные сентиментализму. Константин Семенович считает Наталью Михайловну идеалом, созерцание которого «отравляет жизнь». Герой готов бросить все к ногам любимой : «славу, могущество, бессмертие». Он помнит все даты, все нюансы их встреч и интимных событий : 3 января она сказала, что любит, а тогда-то у нее был красный нос (к слову, сама героиня такого не помнит). Константин вспоминает, что любил он многих и многие любили его, но именно чувство к Наталье герой считает «настоящим».

Есть в рассказе и **чувственные** описания : поцелуи с подробным описанием мест и обстоятельств, их сопровождающих, желания.

В тексте прослеживается **патетический стиль,** присущий сентиментализму : «О, не говорите мне этих фраз» [1, с. 272].

Писатель употребляет **слова иностранного происхождения : «**терраса», «штемпеля», «анатомический», «инквизиторская», «перипетии», «револьвер».

В текст включены **разговорные слова : «**качалка», **«**кавардак», «батюшки» (возглас).

Л. Андреев обращается к **перифразе** : «взрезанный по всем правилам медицинско-полицейского искусства» вместо вскрытый.

1.3.3 Законченные произведения, опубликованные только в 2007 г. в первом томе полного академического собрания сочинений

Бедные люди

«Две встречи» (1898)

Стихотворение в прозе, скорее всего, написано осенью 1898 г. (сентябрь – октябрь).

Читатель сразу обращает внимание на **параллели в душевном состоянии человека и явлениях природы.** Свидания юных влюбленных происходят в «укромном уголке» у оврага. Любовь героев «первая» и «чистая», и березы «белеют снежной девственной чистотой». Когда герои встречаются после нескольких дней разлуки, лес необычайно зелен и «весел», все вокруг «смеется и радуется», небо будто прижимает к себе «красавицу-землю». Испарения от травы «кружат голову». Перед нами типичная для сентиментализма **идиллическая** картина.

Встречаются **типично сентименталистские слова и выражения :** «О радость, о жизнь моя!» [1, с. 257], «пичужка».

Чувства снова ассоциируются с огнем (как и в рассказах «У окна» и «Друг»). Возлюбленная героя на минуту засомневалась в любви героя к ней, и он говорит, что в глазах его «сжигающий огонь», по которому невооруженным взглядом все видно. Пожилые люди «согревают сердце» у этого «молодого огня».

Автор включает в повествование **разговорные элементы : «**пичужка», «удавленник».

Женщины

«Дело прошлое» (1899)

Произведение написано в сентябре 1899 г.

Пейзаж в рассказе **созвучен чувствам людей.** Часты ассоциации с природными явлениями.

Разумовский зовет Михаила, но тот не откликается. Деревья стоят «в глубоком и важном молчании».

Николай говорит, что их с Зинаидой любовь «умерла не своей смертью» : «Она была сорвана, как цветок, только что распустившийся. Он оторван от жизни, но хранит еще и краски, и цветы. Для него не наступала мертвая осень...» [1, с. 294].

На протяжении романа с Зинаидой Николаю казалось, что земля «теплая», лес «веселый», а трава «пахучая». Теперь же, когда Разумовский не встречается с возлюбленной, лес намного хуже.

Жизнь без любимой Николай сравнивает с «тенью», «погасшим солнцем», «бесконечной северной ночью», «полным мраком», падением с неба.

Надежда представляется герою в виде «вспыхивающего северного сияния».

Сюжет произведения строится на **чувствах** и перипетиях, с ними связанных. Николай до безумия влюблен в Зинаиду, к нему же в свою очередь испытывает мучительное чувство Евгения Николаевна. Перед нами страсть, одержимость : Разумовский хочет, чтобы душа и тело Зины принадлежали ему «безраздельно», он намерен разбить возлюбленной голову, чтобы увидеть ее я; сама Зинаида не может разобраться в своих чувствах, представляет то, чего нет, и заставляет страдать и себя, и Николая; Евгения плачет по ночам из-за равнодушия Разумовского к ней и грозится покончить с собой, если тот не полюбит ее.

Герой рассказа «Дело прошлое», подобно сентименталисту, создает **культ женщины.** Николай, как и герой рассказа «Нас двое», помнит все детали, связанные с Зиной : ожидания в кустах, встречи у мостика, толстую книгу немецкого писателя Фридриха Шпильгагена, «толкует» все ее «слова и жесты». В движении ее пальца Разумовский видит «больше смысла, чем в движении народов». Он называет Зинаиду «экраном, закрывшим весь мир», говорит, что превратился в одну сплошную мысль о ней. Даже от самоубийства его спасла перчатка, уроненная возлюбленной у моста.

Важное звено в архитектонике произведения занимает **эпистолярный элемент :** предпоследнее письмо Зинаиды Александровны о том, что она не может дать Николаю нужной ему любви, ее последняя записка, нацарапанная

карандашом в вагоне, лживое письмо Николая Константиновича о равнодушии к Зине.

Есть в рассказе и **чувственная** линия : воспоминания Николая о первом интимном опыте, объятия Разумовского и Зинаиды, их поцелуи.

Встречается в тексте и типично сентименталистское выражение : «Я думала, что ты мне напишешь: люблю, страдаю, о Зинаида!» [1, с. 298].

В рассказе мы встречаем **уменьшительно-ласкательные лексемы :** «записочка», «пушок», «мостик», «худенькая», «реденькая», «сучки», «слабенькая», «морщинки».

Часто встречаются **«слезные ситуации» :** «слезинка» Зинаиды и плач Николая во время объяснений.

Женщины легкого поведения

«На избитую тему» (1897)

Рукопись рассказа находится в РГАЛИ. Подпись под текстом – Леонид Пацковский (девичья фамилия матери). Известно, что Леонид Андреев посылал рассказ в «Северный вестник». Произведение автобиографично, мать Андреева сдавала комнату пожилой женщине, которая продавала свою дочь [см. 1, с. 765].

Примечательно уже название рассказа. Леонид прямо говорит другу, что эта **тема (сентиментальная)** уже избита и противна. Он отмечает, что друг «живописует», явно издеваясь над его стилем повествования. Сразу вспоминаются изощрения карамзинистов в формировании языка, также ставшие объектом насмешек А. С. Шишкова и его последователей. В рассказе Андреева Николай частично соглашается с другом : « <…> это слова избитые, а не тема» [1, с. 229].

В произведении мы наблюдаем **культ женщины.** Герой рассказа Леонида Андреева «На избитую тему» Николай Немоляев, как и знаменитые сентименталисты, относится к симпатичным женщинам, по словам его друга Леонида, как к «фетишу», окружает их «сверхъестественным ореолом».

Уже в начале произведения указано, что тематика его **любовная.** В мечтах героя переплетено множество черт сентиментализма. Николай одинок и ждет прекрасного **чувства,** ему «любить хочется», **«плакать»,** «лететь», **ласки и даже немного грусти.** Своему другу Леониду он говорит, что «пропитан» романами и не понимает жизнь, которую нельзя «вдвинуть» в соответствующие рамки. Именно поэтому, встретив продажную женщину Татьяну, он видит в ней идеал.

Важное место занимает в рассказе **чувственная** линия. Еще институткой Татьяна Николаевна была продана какому-то мужчине, а теперь является содержанкой некоего Алексея Егоровича. И герой, и читатель ищет оправдания такому выбору девушки, но его найти нельзя, да и сам Николай впоследствии узнает, что у Тани «отвращение к труду» и нет никакого раскаяния. Таня из этого произведения похожа на Татьяну Палашову из рассказа «Защита» : нельзя сказать, чтобы она оказалась в сфере грубой чувственности поневоле. Она и сама понимает, что можно пойти работать, но почему-то снова и снова уходит с клиентом. Из ее ссоры с матерью Верой Дмитриевной мы понимаем, что у Татьяны должен быть ребенок, но где он, так и не проясняется.

Леонид Андреев, как и сентименталисты, проводит **параллели в состоянии людей и природы.** Гнев ассоциируется с бурей, необходимость

любить и быть любимым – с теплой августовской звездной ночью, влюбленные Николай и Татьяна – с молодыми животными.

Очень часто встречаются в рассказе «На избитую тему» **«слезные ситуации».** Николай рассказывает Татьяне нечто жалостливое, а потом замечает, что та плачет. Затем герой вспоминает пережитое, и у него самого «показались слезинки». Немоляев вспоминает женские слезы, которые приходилось ему видеть, и устанавливает их виды : слезы жалости, гнева, гражданской скорби, слезы обидевшей, слезы обиженной, божественные слезы любви. Часто плачет Татьяна.

Сентименталисты особое значение придавали **жизни сердца** [см. 20, с. 4]. Герой рассказа Леонида Андреева понимает братство людей именно «всем сердцем».

Николай часто испытывает к Татьяне **жалость.** Эта жалость радует и успокаивает его, к концу произведения является все реже и реже.

Проявляется в рассказе и **эпистолярный элемент,** свойственный сентиментализму. В начале романтической истории Николай и Татьяна общаются при помощи записок по ночам, чтобы ее мама их не услышала. Затем Немоляев читает другу Леониду письмо Татьяны, в котором она заявляет о тщетности надежд на то, что герой будет разлюблен ею.

В произведении мы встречаем обилие **уменьшительно-ласкательных слов : «**самоварчик», «хорошеньких», «чистеньких», «премиленькое», «личико», «носик», «маменька», «кофточки», «Танечка», «пальчики», «голубочка», «записочка», «клочки», «губки», «сладенькая», «денежки», «глазки», «щечки», «рюмочка», «Колечка», «молоденькая», «недурненькая», «кружевца», «веселенькое», «червячок», «тихонечко», «насмешечка», «слезинки».

Автор включает в повествование **разговорные элементы :** «пакостный», «проторчать», «размалеванные», «шатанье», «ошалевший», «копошился» [вопрос], «огрызаться», «болтаю», «шататься», «человечишка», «долбить» (в значении 'донимать'), «ретироваться», «невзвидел».

Л. Андреев обращается к **перифразе** : «павлин человеческой природы» вместо мужчина.

Писатель употребляет **слова иностранного происхождения : «**минорный», «декларация», «фетиш», «фальшь», «primo», «абстракция», «радикализм», «реплика», «декаденты», «прейскурант», «ретироваться», «эллинская», «репертуар», «парадокс».

Преступники

«Держите вора!» (1899)

«Держите вора!» – черновая редакция крупного произведения, приближающегося к повести [1, с. 777].

Видный деятель эпохи Просвещения Жан-Жак Руссо развивал идеи о «естественном» воспитании детей, при этом воспитание своих собственных закончил определением их в воспитательный дом. В характере героя рассказа «Держите вора!» Михаила Петровича Полозова прослеживается подобная **лицемерная чуткость :** он вроде бы «страдает чувствительностью к сыну», но в то же время запрещает жене кормить сына Володю грудью.

В тексте, как и в произведениях сентименталистов, наблюдается **сомнение в религиозных и вообще древних идеалах.** Церковный колокол «охрип от старости и одиночества», «тяготится ненужною и безрадостною старостью», в его «пустом» звуке слышится «старческое бессилие и полная безнадежность перекричать улицу», он «побежден» ей, однако никто не обращает внимание на его «смерть» [1, с. 302].

Величайший памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» печатается в газетах и читается от скуки.

Леонид Андреев, как и сентименталисты, уделяет внимание **чувственному** аспекту отношений мужчины и женщины. Подробно описаны последствия порывов страсти Полозова и его жены (шрам на его плече), их объятия. К слову, в описании объятий есть параллель с природой : доктор такой полный, а жена такая худенькая, что, кажется, она растает, как облачко, когда он ее обнимет; иногда Михаилу чудится, будто в его руках «маленькое хищное животное».

Герой рассказа Полозов любит давать окружающим **слащавые номинации :** «голубчик», «дорогой», «хороший», «Аполоша».

Сентименталистов привлекали люди из низших сословий. Особое место в сюжете рассказа Леонида Андреева занимают **бедные люди,** перед читателем разливается «море нужды» : вор в рваной одежде, «девчонка с бутылкой постного масла», умершая от голода курсистка. Вся эта нищета заставляет сытого богатого доктора задуматься, правильно ли он живет, в сознании Михаила возникают идеи социального детерминизма (активно внушаются другом Леонидом) и почвенничества, их борьба доводит Михаила до нервного истощения и стремления к народничеству. К слову, именно смешанные черты этих философий и стали ориентиром для адептов «нови».

Примечательно, что в заботе жены Михаила Петровича Антонины о бедных много ханжества, она так «печется» о голодающих, что решила устроить для них концерт.

Пейзаж часто созвучен состоянию героев.

Михаил «хандрит», а на улице «серый осенний день».

Сырой воздух «тяготит» «грузного» и «медленного» доктора.

«Заплывший жиром» купец «плывет по панели, как большая сонная акула в стае мелкой рыбешки».

Михаил Петрович приезжает к Линской в надежде найти смысл жизни, это созвучно теплому зимнему утру, когда «хочется распахнуть шубу» и ожидается таяние снега.

Любовь Антонины Посконский ассоциирует с океаном, в котором легко утопиться.

В рассказе мы наблюдаем **эстетизацию окружающей действительности.** Это связано с таким героем, как Леонид Посконский. У него «слабость к красоте». Свое рабочее место юрист обставил со вкусом и уникальной гармонией : светлая приемная, темный кабинет. Леонид шутливо объясняет, что переход из одного в другое символизирует «важность совершаемого дела» и предприимчивость адвоката.

Леонид Андреев, как и сентименталисты, уделяет особое внимание **внутреннему миру человека.** Мы видим подробное описание всех нравственных терзаний доктора, все укоры его пробудившейся совести. Он искренне пытается разобраться, кто честен, а кто «мерзавец», почему же он чувствует себя виноватым, «если виноват вор».

Культ женщин перекликается в рассказе с феминизмом рубежа веков, что наталкивает на размышления об их прямой взаимосвязи. Прерывая речь Посконского, называя ее лишь «французскими разговорами» (кстати, тоже отсылка к карамзинистам), Антонина Павловна Полозова активно расхваливает недавно возникшее «общество улучшения участи женщин» и добивается пожертвования.

В рассказ включен и **эпистолярный элемент :** Посконский пишет Антонине, она отвечает ему, Михаилу приходит письмо от брата Ивана, сам доктор пишет Пинской и через три недели получает ответ.

Автор использует **уменьшительно-ласкательные слова :** «вазочка», «низенькие», «узенькие», «тоненькие», «кисочка», «Тонечка», «серенькие», «дрябленькое», «шкурки».

Л. Андреев включает в текст **слова иностранного происхождения :** «экипаж», «ординарный», «талант», «комплекс», «арсенал», «констатировать».

Л. Андреев включает в художественное произведение **слова,** маркированные как **разговорные** : «мерзавец», «ломовик».

Люди, страдающие алкоголизмом

Свадебный мотив

«Торжество Фитюльки» (1899)

Первое название произведения – «Торжество Мигая». В черновых набросках главный герой успел побывать и пожарником, и маляром.

Жизнь Фитюльки в определенной степени проходит в соответствии с заветами Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо о **естественном человеке :** погода «благоприятствует» его хождению босиком, пальцы ног, «как малые ребята», играют «с камушками и с хворостинкой», он любит греть спину и живот на «премудром» солнце, лежать в ягодных кустарниках и удивляться разнообразию листьев.

Важное место в произведении занимает **чувственный** аспект.

В первую очередь он связан с таким персонажем, как барин Иван Яковлевич Хвостов. Его половая распущенность безгранична : это и измены жене с цыганками, и неуемное желание совращать, и пренебрежительное отношение к женской чести (не видит ничего предосудительного в том, что его сын немножко «поиграет» с небогатой Верочкой).

Также присутствует в рассказе и акцент на эротической несостоятельности Алеши, сделанный Верой : «губошлеп противный», «всю слюнями измазал».

Неопределенной является и история появления на свет Алеши. Кабатчик Гуськов предполагает, что тот – сын не Фитюльки, а «заезжего молодца».

Произведение имеет общий компонент с повестью **«Остров Борнгольм»** (1794) – элемент изоляции вследствие запретных чувств. Верочку и Сашу отдаляют друг от друга и осуществляют над ними «строгий надзор».

Явления природы подчеркивают состояния героев.

Фитюлька, по его мнению, живет в гармонии, все «ладно», а вокруг сияет небо «спокойным светом».

Особого внимания заслуживает ночь после свадьбы. Во время первой брачной ночи Верочки с Алешей Саша гуляет возле дома. Прогулка сопровождается «беспросветно черной» сентябрьской ночью, свистит ветер, деревья «уныло» шепчутся, холодный осенний лист ударяется о лицо Саши, на реке теперь «жутко».

Выбираясь наконец из дома Хвостова, отходя от бесконечной оргии и вопиющей бездуховности, Фитюлька словно «лавирует» в «открытое море».

Наблюдаются в рассказе и «слезные ситуации» : плачут разлученные Саша и Вера, плачет Фитюлька, узнав правду об их отношениях.

Автор часто использует **уменьшительно-ласкательную лексику :** «щечки», «ножки», «коротенькие», «записочки», «Верочка», «брюшко», «ямочка», «звездочки», «морщинки».

Писатель употребляет **слово иностранного происхождения : «**экзекуция».

В тексте прослеживается **перифрастический стиль :** «эта суровая и чопорная дама» вместо добродетель.

Л. Андреев включает в повествование **разговорные элементы :** «нюни», «дохлятина», «сиживал».

1.3.4 Незаконченные произведения, опубликованные только в 2007 г. в первом томе полного академического собрания сочинений

Бедные люди

«Грошовый человек» («Полезный работник») (1899)

Перед читателем предстает самый простой, бедный человек. Герой некрасив, плохо одет, не знаком с этикетом, не знает языков. Работнику больно оттого, что рубль, который он отдаст за калоши, «пойдет в карман» «толстого мерзавца» [1, с. 451].

В тексте представлена **любовная** тематика. Герой мечтает любить изящных культурных женщин. Мы узнаем историю его чувств к одной из них. Три года он симпатизирует одной женщине, а она даже не видела его. Ему грустно оттого, что, в случае его смерти, она и не взгрустнет, а ведь он, вероятно, самый преданный из ее поклонников.

Особое место занимает в рассказе и **чувственная** линия. Герой знает лишь «грошовую радость» – «физиологическую любовь» [1, с. 451] и мечтает о любви в смысле глобальном. Он страдает от своего несовершенства и шлет проклятие родителям, которые «минутой наслаждения» доставили ему целую жизнь страданий, пропагандирует воздержание и идеализирует евнухов.

В произведении прослеживается влияние идей Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо о **естественном человеке.** Герой посылает цивилизацию к черту и мечтает увидеть море, удивляется тому, что слышал о волнах. Природу он любит «как Бога».

Мы наблюдаем в тексте и **нарушение религиозных постулатов.** Во-первых, симптоматична сама ситуация попытки суицида. Во-вторых, рождественские истории повествователь называет «сладенькой» мазней по губам, утверждает, что совесть и любовь умерли, и вместо этих умильных явлений предлагает понаблюдать за ним, болтающимся на крючке.

Писатель обращается к **разговорным элементам : «**до чертиков», «вертеть», «голубка» (обращение к женщине).

Женщины

<Случилось все это очень просто> (1898)

Уже начальные строки текста погружают читателя в **любовную** тематику. Герой узнает, что некая Наталья Николаевна уже год как вышла замуж и родила ребенка. Далее автор рисует нам все оттенки чувств, подробно описывает борьбу с ними, и в итоге приходит к выводу, что все они – лишь «покровы», за которыми прячется «голая» чувственность, инстинкт. Произведение не закончено, однако обрывается текст именно на предложении, связанном с чувствами, говорится о внезапно пришдедшем «спасении», и фигурирует там имя Натальи Николаевны.

Данный текст – просто торжество **чувственности.**

«Самолюбие отвергнутого самца» повержено, герой рисует «грязные» картины объятий Натальи Николаевны и ее мужа. «Самец» больше не желает ту, которой коснулась чужая рука.

Герой вспоминает свои «Вальпургиевы ночи», которые, к слову, совершались и во время присутствия в его жизни Натальи.

После расставания с Натальей герой живописует свой разгул : посещение публичных домов, адюльтер, обольщение девушек.

Присутствует явная параллель с повестью Н. М. Карамзина **«Бедная Лиза».** Герой произведения Л. Андреева «Розочка» сошелся с «миленькой» дочерью «благородных, но бедных родителей». Она родила от него ребенка, однако герой предпочел «жениться на деньгах». Примечательно, что, в отличие от бедной Лизы, женщина утешилась определенной суммой денег (хотя и собиралась сначала травиться) и нашла себе другого возлюбленного. К слову, данный факт весьма симптоматичен, если его сравнить с культурной ситуацией XIII в. На рубеже веков перестает быть сильнейшим позором быть обольщенной, родившей невесть от кого и брошенной, мы наблюдаем демократизацию нравов.

Присутствуют в тексте и **разговорные элементы :** «разузнал», «пришибленный»

Л. Андреев использует **уменьшительно-ласкательные лексемы** : «ножка», «миленькая», «времечко».

Женщины

Пасхальный мотив

«Розочка» (ок.1898)

Датируется произведение предположительно по почерку и бумаге. Исследователи однозначно называют прототипом героини возлюбленную Л. Андреева Зинаиду Сибилеву, это заметно при прочтении : автор случайно вспоминает это имя, логичность текста нарушается.

Автор использует **сравнение состояния человека с природой :** серьезность героя тает, словно «облачко на синем небе».

Сюжет рассказа строится на **«амурной ситуации».** Двадцатилетний герой влюблен в девятнадцатилетнюю Марочку, в их сердцах звучит «радостная песнь». Перед нами история отношений незрелых людей : она подвержена чужому мнению (Марии Александровне надарили цветов, и ей непременно нужно такого же поклонения, при этом ей и в голову не приходит, что это, во-первых, нелепо, а во-вторых, просто неуместно в преддверии великого духовного праздника), он бросает деньги на ветер и потакает ее капризам, что зачастую одно и то же. Происходит это вследствие культа Марочки в сознании героя. Вопреки весьма ограниченному запасу средств, у девушки появляются и некие прекрасные чулки, и ненужная чернильница, и множество других ненужных вещей. Примечательно, что из-за отношений с Зинаидой Сибилевой Л. Андреев пытался покончить жизнь самоубийством, признавая полную духовную зависимость от нее [см. 1, с. 785].

Особого внимания заслуживает и песня, звучащая в доме соседей молодых людей :

– Любила я, штрадала я,
– А он, подлец, – забыл меня!.. – [1, с. 412]

Любовный сюжет, более того, страдания брошенной женщины – сентиментальная ситуация, отсылка к повести **«Бедная Лиза».**

Сентиментализму свойственно **нарушение религиозных рамок.** В тексте «Розочка» определенным образом ставится под сомнение этическое. В рассказе героя о всех своих похождениях и «женитьбе на деньгах» мы наблюдаем явный имморализм. Он замечает, что для него «не существует добра и зла», вся сила в свободе. Иными словами, перед нами роковое «все позволено». Однако повествователь в итоге замечает, что эти идеи – пустое место. Он получил много денег и тысячу и одну ночь наслаждений, но не стал от этого счастливее и не обнаружил в этом никакого смысла.

Автор часто использует **уменьшительно-ласкательные слова :** «розочка», «свеженькое», «зубки», «облачко», «Марочка», «комнатка», «Зиночка», «дохленькие», «мезонинчик», «губки», «минутка», «глазки».

Писатель обращается к **разговорной лексике :** «голубчик», «не разобрал» (в значении ‘не определил’).

Люди, страдающие алкоголизмом

<Из записок алкоголика> (1899)

В тексте мы встречаем следующие элементы сентиментализма : **жалобные** речи героя, его **плач, уменьшительно-ласкательную лексику** («желаньица», «Абрамчик», «Абраша», «стульчик», «лавочка»), **любовная** тематика.

Неопределенная тематика (не определяется вследствие незаконченности рассказа)

< – А ты, брат, вовсе не такая скотина…> (1899)

В тексте мы встречаем **сравнения состояний людей с природными явлениями.** Люди – как листья на дереве, которые, «питаясь одними и теми же соками, имея одни и те же корни в земле живут каждый своей жизнью, не чувствуя боли другого листа, не замечая его смерти» [1, с. 446 – 447]. «Жить общественно не прихоть, не договор и добровольное соглашение – это роковая необходимость, лежащая в природе человека. Каждый лист привязан к дереву и, оторванный, умирает»; «Пусть ему неудобно на дереве, пусть он недоволен своим соседством, пусть он не мирится с этим рабством – он должен подчиниться ему» [1, с. 447].

В тексте, как и в произведениях сентименталистов, заметно **сомнение в религии.** Приличия, согласно тексту, «частица Бога, т.е. тюрьма», а свобода, которую дает религия, – одиночная камера для арестанта.

Мы видим **эстетизацию окружающей действительности.** По словам автора, все необходимое природа наградила красивой внешностью.

Представлена **любовная** тематика : мать запрещает Наде встречаться с одним из героев.

В тексте присутствуют **уменьшительно-ласкательные слова :** «тоненькие», «усики», «маменька».

Наблюдаются в тексте и **разговорные элементы : «**взъелись», **«**нацепил» (шпагу на себя).

Автор употребляет **слово иностранного происхождения :** «фат».

Касательно единичных элементов сентименталистской эстетики, следует назвать тексты «Первое впечатление» (любовная тематика – страдания героя по Евгении Николаевне) и <Патрон помощника присяжного поверенного> (спорное красноречие патрона и хозяйки квартиры).

ГЛАВА 2

ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ В ПЬЕСЕ Л. Н. АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»

Обоснуем уместность включения данной главы «Пушкинский текст в пьесе Л. Н. Андреева “Жизнь человека”» в дипломную работу «Художественная архаика в творчестве Л. Н. Андреева».

Первое. Пьеса Л. Н. Андреева представляет собой художественное целое, построенное по принципу **mise en abyme,** или принципу матрешки (см. приложение). Текст Андреева («Жизнь человека») содержит в себе пушкинский текст («Медный всадник»), а тот, в свою очередь, несет в себе архаический идейный компонент, связанный с язычеством.

Второе. «Пушкин – наше все», – утверждал А. Григорьев в XIX в. «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности», – провозглашали футуристы в XX в. Творчество Л. Андреева занимает положение некого срединного полюса между этими двумя веками и, следовательно, культурными атмосферами. С одной стороны, Л. Андреев не отрицает то лучшее, что было рождено русской литературой, в его произведениях прослеживается тот хороший, уникальный слог, который мы называем классическим. С другой стороны, Л. Андреев является новатором мирового масштаба – велика его роль в формировании такого модернистского течения, как экспрессионизм. Таким образом, художественный метод Л. Андреева можно определить как **синтез.** А синтез – явление архаичное. Вспомним синкретизм первобытного искусства.

Третье. На сугубо реалистические сцены произведения «Жизнь человека» обращала внимание К. Д. Муратова [см. 21, 34]. Симптоматично то, что в пьесе рубежа веков прослеживается пушкинский реалистический код. Мы хотим акцентировать внимание : не просто пушкинский код, а пушкинский реалистический код. Во времена творческой активности Л. Андреева такой художественный метод, как **реализм** (эталоном которого и является петербургская повесть «Медный всадник») **теряет свою актуальность и даже престижность, становится в некотором роде архаичным.** В 1890-е формируется символизм – первое литературное течение, представившее модернизм. В 1900 – 1904 гг. процветает творчество младосимволистов под влиянием идей Вл. Соловьева. В 1902 г. Ф. Сологуб заканчивает роман «Мелкий бес», эталон символистской прозы. В 1910 – 1914 гг. происходит становление акмеизма и футуризма. В 1917 г. объявлена жесткая позиция : искусство должно идеологически обслуживать новую власть. На деле же в первые годы правления советской власти писателям удавалось обходить этот

запрет, только вот уходить от императива художники слова предпочли не в реализм. Торжествовали футуризм, имажинизм, творчество группы ОБЭРИУ. Зародившийся уже тогда социалистический реализм, безусловно, ничего общего с классическим реализмом, да и вообще с реализмом, не имеет. Позже это четко объяснит А. Синявский, или Абрам Терц, в своей статье «Что такое социалистический реализм». Мы не будем забывать о реалистическом творчестве рубежа веков – произведениях Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Куприна, а также о неореализме И. А. Бунина, И. С. Шмелева. Однако в контексте культурной ситуации того времени, представители реализма и неореализма по-своему количеству значительно уступают модернистам.

Показательно, что в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) Д. С. Мережковский назвал реализм «вкусом толпы», «утилитарным» и «пошлым» [24, 252].

При этом поклонение перед А. С. Пушкиным как представителем мировой культуры, «солнцем русской поэзии» и поэзии вообще никуда не исчезает. Вспомним прозу М. И. Цветаевой «Мой Пушкин», ее цикл «Стихи к Пушкину». Кроме того, в ее стихотворении «Ваш нежный рот – сплошное целованье…», написанном в период влюбленности в Ю. Завадского, присутствует аллюзия на произведение А. С. Пушкина «Осень», она реализуется через прямую цитату «очей очарованье».

– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье! [38, 457]

У А. А. Ахматовой есть цикл стихов «В Царском Селе», «Поэма без героя» изобилует эпиграфами из романа в стихах «Евгений Онегин», поэмы «Домик в Коломне», петербургской повести «Медный всадник».

Особое внимание стоит обратить на пушкинский код в поэзии В. Ходасевича. Некоторые его стихотворения напрямую перекликаются со стихотворениями А. С. Пушкина : «У моря», «Вдруг из-за туч озолотило…», «Соррентийские фотографии» и «Погасло дневное светило», также «Соррентийские фотографии» перекликаются с романом в стихах «Евгений Онегин», романом «Капитанская дочка», повестью «Гробовщик» и петербургской повестью «Медный всадник».

2. 1 Понятие пушкинского текста

Исследователи отмечают, что понятие «пушкинский текст» вошло в научный обиход на рубеже XX – XXI веков.

У истоков изучения феномена пушкинского текста стоят Б. М. Гаспаров («Язык, память, образ», 1996) и Н. А. Кузьмина («Пушкинский текст в современной поэзии», 1999).

Особого внимания заслуживает сборник статей 1999 г. «Пушкинский текст». В него вошли работы Ф. Листвана (рассматривалась связь с романом Л. Леонова «Пирамида»), А.Б. Оболенца (с текстами А.И. Введенского), А.Н. Силантьева (с произведениями ОБЭРИУ), Я.В. Погребной (Продолжение В.В. Набоковым пушкинской «Русалки»), О.Н. Калениченко (с рассказом И. А. Бунина «В некотором царстве»), А. А. Фокина (со стихотворением И. А. Бродского «Aere perennius»).

В начале 2000-х гг. появляются работы Ю. В. Шатина («Пушкинский текст как объект культурной коммуникации», 2000), Н. Е. Меднис («"Именные", или "Персональные" тексты. Пушкинский текст русской литературы», 2003), А. Б. Пеньковского («Загадки пушкинского словаря. Опыт филологической герменевтики», 2005).

Издано много статей вне тематических сборников : «Пушкинский текст в “фандоринских” романах Б. Акунина А. Куневич и П. Моисеева (2005), «Пушкинский текст в рассказе В.А.Соллогуба "Метель"» Н. А. Николиной (2013), «Пушкинский текст в романе И. С. Тургенева “Дворянское гнездо”» А. А. Бельской (2014), «Пушкинский текст у Л.Улицкой» Е. В. Башкиревой (2017), «Пушкинский текст в рассказе С. Д. Кржижановского “Рисунок пером”» В. Беспрозванного, «Пушкинский миф как текст» С. Маленьких, «Пушкинский текст И. Сельвинского» Л. А. Рустемовой.

В современном литературоведении появляются диссертации на тему пушкинского текста. Исследователи изучали данный феномен в произведениях Н. С. Лескова (О. М. Гасникова, 2007), в театральном дискурсе XIX в. (С. В. Денисенко, 2008).

Нам близко определение пушкинского текста Б. М. Гаспарова. Пушкинский текст (по Гаспарову) – феномен отпечатка текстов А. С. Пушкина в творческой памяти последующих русских писателей и поэтов и в созданных ими текстах. Исследование такого феномена предполагает интерпретацию путем задействования культурной памяти исследователя (интерпретатора). Нахождение пушкинского текста осуществляется или осознанно, или возникает интуитивно [8].

2. 2 Пушкинский текст в пьесе Л. Н. Андреева «Жизнь человека»

Классический текст влияет на всех, в творчестве же писателей он находит отклик. Он может воплощаться через интертекстуальное : цитаты, аллюзии, реминисценции.

Взаимодействие текстов Л. Н. Андреева и А. С. Пушкина сложное и неоднородное, оно протекает на бессознательном уровне.

Примечательно, что Л. Андреев сам указывал на традиционность представления «Жизнь человека» (полужирный шрифт наш. – Д. О.) : «Приходилось положительно идти ощупью, мысль упрямо сбивалась **на старое, привычное**, и минутами не было никакой возможности разобраться, хорошо ли ты делаешь или дурно» [7, с. 91].

Используя метод интертекстуального анализа мы докажем связь петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник» с представлением Л. Н. Андреева «Жизнь человека».

Стоит отметить, что вышеупомянутые произведения очень разные, и, на первый взгляд, не подлежат сопоставлению : Л. Н. Андреев не является адептом идей А. С. Пушкина, философия Пушкина оптимистична, предполагает «пир во время чумы», философия же Андреева пессимистична – «от плохой жизни пессимизм обуревать начинает». Однако в текстах много параллелей, и они подтолкнули нас к написанию данной работы. Приведем примеры этих параллелей.

Начнем с того, что в обоих произведениях авторы проводят **линию жизни**. Без сомнений, линия жизни – часто встречающееся в искусстве явление. Но не в каждом произведении она подробно описана и не у каждого героя есть стадии, о которых будет сказано далее. Очертим общую траекторию развития социальных ролей человека в представлении Л. Андреева «Жизнь человека» и петербургской повести А. Пушкина «Медный всадник».

1. Счастливый юноша.

В представлении Л. Андреева мы видим «счастливого юношу» у ярко пылающей свечи, в петербургской повести А. Пушкина – трудолюбивого молодого человека Евгения, собирающегося жениться на Параше.

2. Счастливый глава семейства.

Юноша у Л. Андреева становится счастливым мужем и отцом, Евгений у А. Пушкина представляет, как он доверит жене «воспитание ребят».

3. Старость.

Герой пьесы Л. Андреева становится слабым больным стариком, Евгений представляет свою старость рядом с Парашей.

4. Кончина.

Л. Андреев пишет о смерти Человека : «Придя из ночи, он возвратится к ночи и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем» [2, с. 444].

В тексте А. Пушкина читаем, что найден и похоронен «хладный труп» Евгения. [31, с. 396 – 397].

У Л. Андреева все начинается с рождения человека. Это процесс автор сравнивает с вспыхнувшим светильником, который зажигается «неведомой рукою» «в ночи небытия» [2, с. 443].

Мечты о рождении и воспитании «ребят» греют душу Евгения из поэмы А. С. Пушкина, помогают ему не упасть духом.

Образы главных героев в обоих произведениях **сходны.**

Родители персонажа пьесы «Жизнь человека» умерли рано, его нельзя назвать удачливым, у него нет покровителей. Евгений Пушкина не думает «о почиющей родне» и о происхождении своей фамилии. Он беден и рассуждает о том, что есть «ленивцы», которые живут «легкой» жизнью, а ему нужно всего добиваться самому, не имея при этом ни особого ума, ни денег [31, с. 384 – 385].

Оба писателя рисуют атмосферу бедности, реализуя один из основных для русской литературы концептов **«бедные люди» в ситуации «любовь и бедность».** Влюбленные в пьесе Андреева так бедны, что едят лишь черствый хлеб, у них нет лишних стульев и занавесок на окнах. Параша, возлюбленная героя произведения «Медный всадник», живет в ветхом домике за некрашеным забором, да и сам Евгений должен много работать, чтобы иметь приемлемые для их совместного проживания средства.

И в произведении Л. Андреева, и в произведении А. Пушкина есть **образ бездушного истукана.** В петербургской повести это – конкретный кумир Медный всадник, в представлении это Некто в сером – абстрактный кумир вообще.

И тот, и другой герой **овеяны ореолом тени, мрака, негатива, безысходности.** В пьесе «Жизнь человека» неоднократно подчеркивается, что Некто в сером обитает в самом темном месте : вокруг него все серое, а угол, где он стоит, всегда «темнее других». Некто в сером «равнодушно внемлет проклятию» [2, с. 483]. «Кумир на бронзовом коне» в тексте А. Пушкина находится «в темной вышине над огражденною скалою», он «ужасен в окрестной мгле» [31, с. 394].

Для наибольшей полноты образа жестокого, равнодушного существа художники используют лейтмотивные лексемы с прямым или ассоциативным значением **‘железный’, ‘каменный’,** нечто твердое и непоколебимое в негативном смысле. В пьесе «Жизнь человека» родившемуся предстоит совершить цикл «**железного** предначертания»; лицо и подбородок Некоего в

сером **«каменные»;** Некто в сером говорит **«твердым»** голосом, губы его **«твердо»** сжаты [2, с. 443, 467, 474, 484]. Медный всадник находится «над огражденною **скалою»,** стоит «на **бронзовом** коне» и неподвижно возвышается **«во мраке»** [31, с. 389, 394 – 395].

Примечательно, что и то, и другое произведение **начинается с описания этого героя.** У Л. Н. Андреева Некто в сером сообщает читателю о жизни Человека [2, с. 443]. у А. С. Пушкина Петр стоит на берегу и смотрит вдаль [31, с. 380].

И Евгению, и герою пьесы «Жизнь человека» свойственны **сомнения в справедливости высших сил**. Человек говорит жене, что справедливого на свете нет, и отказывается молиться за здоровье сына. [2, с. 478]. Евгений порой думает, что жизнь – «насмешка неба над землей» [31, с. 388].

В жизненную канву обоих героев вплетен **бунт.** Человек проклинает все, что создали высшие силы. [2, с. 483]. Кровь «безумца» Евгения вскипела, и он грозит «горделивому истукану» [31, с. 395].

Рука Медного всадника **«простерта»,** рука идола в пьесе Андреева **особенно выделяется.**

В художественном мире и того, и другого произведения важным элементом является **сон перед роковыми событиями.** Человек беспечально и крепко уснул, не зная, что с минуты на минуту умрет его сын, счастье предстает перед ним лишь в грезах [2, с. 482]. Евгений засыпает, мечтая о счастье с Парашей, а наутро случилось роковое наводнение [31, с. 386].

Есть и параллель, связанная с **пространственной структурой произведений.** Богатый зал в произведении «Жизнь человека» (картина третья «Бал у человека») и Петербург в произведении «Медный всадник».

А. Пушкин пишет о городе, который «горделиво» и «пышно» «вознесся» там, где раньше ловил рыбу старым неводом бедный финн. Пристани Петербурга богаты, Нева нарядна в граните [31, с. 380 – 381].

В пьесе Л. Н. Андреева представлена трансформация «города пышного» в ничтожность в рамках абстракции. Гости внезапно разбогатевшего Человека лишь восклицают :

– Как богато!
– Как пышно!
– Как светло!
[2, с. 468].

Примечателен контраст : у Андреева Человек проходит путь от удручающей бедности до богатства, а пышный Петербург в произведении Пушкина возник в убогом месте. Причем и богатство Человека, и

возникновение Петербурга нельзя трактовать однозначно положительно. У Человека появляются слуги, он смотрит гордо перед собой и не замечает окружающих, высокомерная жена его вся в бриллиантах, рубинах и жемчуге. Шикарная зала Человека, вопреки всей ее красоте, несет в себе нечто «дисгармоничное» и «раздражающее» [2, с. 466]. Петербург с момента своего появления овеян негативным ореолом : возведение вопреки природным условиям для чисто практических целей, гибель множества людей при строительстве, проклятие Евдокии Лопухиной, непрекращающиеся перевороты и цареубийства впоследствии. И все это при завораживающем внешнем богатстве Северной столицы.

Вышеперечисленные сходства подтолкнули нас к поиску глобального общего компонента в данных произведениях.

При работе с произведениями учтем сам феномен интертекстуальности. В данном случае мы апеллируем к широкому пониманию интертекстуальности как универсального свойства текста. Широкий подход, разработанный Бартом, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотманом предполагает рассмотрение всякого текста как интертекста. При таком понимании рассматриваются не только все предшествующие тексты, но и сумма лежащих в их основе кодов и смысловых систем.

Также обратимся к принципу Пушкина воспринимать одно подле другого, а не после другого и вспомним подход А. А. Григорьева : попытаться увидеть, как могут сосуществовать противоречия.

2. 3 Художественная архаика в петербургской повести «Медный всадник»

Следует отметить, что каждый текст тяготеет к определенной культурной ситуации. Петербургскую повесть «Медный всадник» мы будем рассматривать в связи с историей создания памятника Петру I.

Скульптура Медный всадник, на первый взгляд, европейское заимствование, являющееся символом западнических реформ Петра. А. С. Пушкин вскрывает ее глубинные языческие истоки, странным образом подтверждающиеся в исторических фактах.

Власти объявили о поисках камня для постамента, крестьянин Семен Вишняков сообщил о гранитной глыбе в окрестностях Лахты и получил за это немалую по тем временам сумму денег. Оригинальную форму камень приобрел, согласно легенде, от удара молнии, поэтому был назван Гром-камнем.

Возле этой глыбы, по мнению историков, устраивали **жертвоприношения**, связанные с культом Перуна, или **бога грома, молнии, дождя и военного дела.** Петр славится своими **военными подвигами.** Скульптор Этьен Фальконе хотел, чтобы памятник олицетворял победу Петра **над природными стихиями.** Глыба, найденная в окрестностях Лахты – не единственный камень этого бога, поклонение Перуну обязательно связывали с валунами. Найден такой камень, например, в деревне Расходно Сенненского района (Витебщина) [см. 14, с. 6].

Транспортировка Гром-камня длилась с ноября 1769 г. по март 1770 г., т. е. почти четыре месяца. В перемещении камня был использован адский труд тысяч людей, они работали **на грани сил и возможностей** – сущее **жертвоприношение.** На это обращал внимание и А. И. Солженицын в своей крохотке «Город на Неве» : «Но стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах, строили русские эту красоту» [34, с. 286]. Более того, известно, что во время отливки самого памятника лопнула труба, используемая для транспортировки бронзы, и мастер Емельян Хайлов, спасая творение, нанес **серьезный ущерб** своему **здоровью** (ожоги рук и нарушение зрения). Герой петербургской повести Евгений, **лишившийся рассудка** от горя, обвинивший во всех бедах именно Медного всадника, на наш взгляд, также выступает в роли определенного **жертвоприношения.**

Многие жители Петербурга были так впечатлены камнем, что делали из отходов, полученных при его огранке, различные аксессуары. В сознании людей частицы этого камня представлялись как нечто уникально защитное, а это языческий **культ амулета.**

Гравер Якоб Штелин сделал проект, согласно которому скульптура Петра I должна была быть окружена **статуями вроде Благоразумия, Правосудия, Зависти и пр.** Философ Дени Дидро выдвинул идею сделать **памятник-фонтан,** окруженный некими **аллегорическими фигурами.** Этьен Фальконе отклонил все эти варианты, пожелав сделать **просто «статую».** Все это, на наш взгляд, очень напоминает **языческих идолов.** В варианте Дидро прослеживается **поклонение стихиям.**

Как известно, при жизни А. С. Пушкина поэма «Медный всадник» опубликована не была. Текст произведения подвергся цензурным правкам Николая I, причем немало исправлений связано с языческими элементами. Так, император был недоволен словом «кумир». Языческим словом нельзя было называть великого государя. Пометка NB стояла также возле сочетаний «горделивый истукан», «роковая воля» [см. 16, с. 519 – 520]. Таким образом, мы видим, что языческая составляющая в петербургской повести была замечена еще при жизни поэта.

Сам автор так писал о Петре I : «… чем более его изучаю, тем более изумление и **подобострастие лишают меня мыслить и судить свободно**» (полужирный шрифт наш. – Д. О.) [16, с. 535]. Медный всадник наделен притягательностью. В лирических отступлениях мы видим положительное отношение автора к Петру : и восхищение построенным правителем городом («твореньем» Петра), и забота о его «вечном сне». Петр «дум великих полн», в нем «сокрыта» невероятная сила, он назван «властелином судьбы» [31, с. 380, 395]. В данном контексте прослеживается **идолопоклонство** перед «кумиром на бронзовом коне».

Отметим, что в языческих скульптурах часто встречаются **всадники.** Они были миниатюрными и символизировали подчинение земного небесному [33, с. 82].

Кумиров часто возводили **на возвышении,** «кумир на бронзовом коне», «кумир с простертою рукою» – не исключение. Причем возвышение это весьма примечательно.

Как было отмечено ранее, Гром-камень, послуживший постаментом для конной фигуры памятника, считался объектом поклонения Перуну, или богу грома, молнии, дождя и военного дела. **Культ Перуна** возник, по словам Б. А. Рыбакова, вместе с русской государственностью [33, с. 19]. С рождения Петербурга и военных побед Петра начинается **культ** этого **правителя.**

Примечательно, что поклонение Перуну осуществлялось **на рубеже** языческих и христианских времен [33, с. 19]. На протяжении правления Петра случается отступничество от православия, это освещалось не только в исторической литературе, но и в художественной (в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» многие герои негативно воспринимают все петровские

реформы, чувствуя за ним «тень антихриста»). Относительно религии тех времен мы также можем говорить о переходном этапе : упразднение патриаршества, начало демократизации нравов.

Славяне считали, что **дождь – воля Перуна** [14, с. 51]. **Жертвой** гнева этого бога мог стать даже **невинный** [14, с. 99].

Также у язычников был культ **Даждьбога,** или покровителя плодородия и солнечного света, по материалам некоторых исследований – **сына Перуна** (есть и противоположное мнение о том, что отец Даждьбога – бог-кузнец Сварог, который, к слову, ковал на жертвенном камне, см. об этом 14, с. 53). От него **зависело и благополучие семьи, всего рода человеческого** [14, с. 56].

В связи с назначением Перуна и Даждьбога традиция прогулок современных молодоженов и салют возле Медного всадника кажутся нам весьма примечательными фактами.

У древних славян был **бог Ящер**, он считался **царем змей и водным божеством.** Этому богу приносили **в жертву девушек.** Как известно, под копытом лошади Медного всадника находится змея. По легенде, она символизирует победу Петра над врагами, на деле же благодаря этой змее обеспечивается устойчивость монумента.

Обратимся к тексту Пушкина. Невинная возлюбленная Евгения **Параша гибнет во время наводнения как раз перед намечающейся свадьбой и планируемым рождением детей.** Отметим, что Евгений грозит не небу, не Богу, а именно Медному всаднику, будто этот идол виноват во всех бедах «маленького человека». Здесь мы видим черты **фетишизма** (веры в особенные силы предметов и природных явлений). Образ Петра, как и языческие боги, выступает в данном произведении **внутри природных стихий.** Более того, Медный всадник предстает как некое **олицетворение пантеона языческих богов.**

Евгений не смог выдержать сложных жизненных испытаний и лишился рассудка. Этот факт созвучен языческим **инициациям**, которые помогали молодому человеку либо стать сильнее, либо потерять все.

А. С. Пушкин пишет :

Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой **огонь!**
(полужирный шрифт наш. – Д. О.) [31, с. 395]

Огонь был обязательным атрибутом языческих обрядов. Эта природная стихия считалась очищающей от всех болезней и невзгод. Между прочим, образ

Перуна, которому поклонялись при Гром-камне (постамент Медного всадника), в X – XII веках ассоциировался с **огненным** оружием [14, с. 19].

Известно, что славяне поклонялись богине Макошь, которая требовала от человека, чтобы он шел путем своей судьбы. Если кто-либо уклонялся от предопределенного пути, он считался изменником и губителем самого себя [14, 74]. Такая позиция чужда христианству, согласно которому человек постоянно находится в ситуации выбора, способен спастись верой и уклонением от зла. Вспомним историю Хомы Брута, который уже почти уберег себя от нечистой силы молитвами, но не искоренил любопытства. Оно заглушило в нем даже глас высших сил с просьбой не смотреть на Вия. Некоторые исследователи (С. И. Крылова) предлагают весьма интересную трактовку этих событий : в данном тексте нашел отражение запрет православной церкви на обращение к всевозможным ясновидящим и гадалкам, нельзя верующему заглядывать в будущее. К слову, скорее всего, именно потому, что экстрасенсы предлагают возможный вариант развития событий без условия покаяния, человек программирует себя на определенную ситуацию и выпадает из полюса Божественного провидения. Таким образом, **фатализм** – важная составляющая язычества.

Петербургская повесть «Медный всадник» пронизана фатализмом. Автор пишет, что и цари не могут бороться с «божией стихией» [31, с. 387], а Евгений возле скульптуры Петра «будто околдован» [31, с. 389] и не может двинуться с места.

Таким образом, **Медный всадник** Э. Фальконе и М.-А. Колло вобрал в себя черты языческой культуры и в то же время несет идею бунта.

Вообще, Петербург и язычество тесно связаны, и доказательством здесь может служить не только история создания Медного всадника. Вспомним печально известный Обводный канал с не менее известным Боровым мостом, или мостом самоубийц. Историки говорят, что в двадцатые годы XX в. при прокладывании тепломагистрали (при котором, кстати, погибло 34 человека) было обнаружено капище. Кумирне приносили человеческие жертвы. Археолог Гвоздицкий считал необходимым немедленное прекращение строительства, но инженеры не разделяли его желания изучать находку. Человеческие кости рабочие выбросили, а части капища использовали в целях застройки (поребрики мостовых Лиговского проспекта).Многие склонны считать, что Боровой мост – место с плохой энергетикой вследствие разорения капища или каких-либо иных причин. Как бы там ни было, но с 1923 года этот мост стал излюбленным для желающих свести счета с жизнью. Таким образом, в так называемых петербургских текстах, на наш взгляд, перспективно искать языческий код и его частные элементы.

2. 4 Художественная архаика в представлении Л. Н. Андреева «Жизнь человека»

Начнем с образа Некоего в сером. Многие исследователи склонны считать, что Некто в сером – это высшая сила, т. е. Бог. Мы предлагаем внимательно посмотреть, как описывается Некто в сером. У него есть тело, «сжатые» губы, нос, «когтистые» щеки. На нем балахон. Более того, все «точно высечено из камня». Бог не представляется таким в религиозном дискурсе. Даже у идеальных людей, святых иконописцы стремились изобразить не «внешний вид», не «портрет», а именно *лик* – «осуществленное в лице подобие Божие» [см. 37 с. 20, 76, 90], не говоря уже о Боге. Л. Н. Андреев приписывает Некоему в сером откровенно антропоморфные черты : Некто в сером – «старик» [2, с. 479]. Человек говорит с богом, «как следует говорить мужчинам» [2, с. 480]. Таким образом, в данном произведении над всем стоит не Бог, а некий кумир, идол.

Некто в сером находится в пустой комнате. Комната холодная и сырая. Эта комната и другие помещения, описанные в пьесе, напоминают **языческие святилища,** например, святилище аграрного культа : четырехугольное закрытое пространство, отсутствие окон, дверей, все серое [2, с. 443]; «В левой стене дома одна только низенькая дверь…» [2, с. 474]; «Неопределенный, колеблющийся, мигающий, сумрачный свет»; стены кабака похожи на шкуру зверя [2, с. 484].

На всем в комнате «лежит печать разрушения и смерти» [2, с. 491].

Человек, не имеющий возможности ничего изменить и страдающий всю жизнь – сущая жертва, положенная к ногам Некоего в сером. Особого внимания в контексте **жертвоприношения** заслуживает разговор пьющих людей в варианте пьесы 1906 г. Они видят вспышки молний и «огромные красные костры, на которых горят люди» [2, с. 485].

Язычники верили в **злые силы,** например, в упырей. Им приносили жертвы. Некто в сером – однозначно некая злая сила. Он равнодушен и не дает спасения, не хочет благословить «ничего во всей природе».

Некто в сером держит в **окаменевшей** руке свечу. Свеча убывает, указывая таким образом на стадию жизни Человека. Музыканты танцуют у огня.

Поклонение огню и **гадания**, с ним связанные – важная черта язычества.

Славяне были очень **внимательны к роженицам,** у язычников существовал **культ Рода** [см. 33, с. 23]. Представление Л. Андреева начинается с описания **родов,** описываются они долго и подробно. Вокруг сидят непонятные старухи, появившиеся здесь по воле Некоего в сером. С разрешением родов они исчезают, поэтому очевидно : старухи связаны именно

с этим процессом. Героине было очень тяжело рожать, доктор после появления на свет ребенка уверяет : если бы **природа** не смилостивилась, он бы ничего поделать смог. Таким образом, мы видим здесь признание **стихийности,** отголоски культа Рода и **фатализм.** К слову, культ женщины, свойственный сентиментализму и ранним рассказам Л. Андреева (см. главу 1), берет свое начало именно в язычестве.

Вообще, пьеса Андреева крайне **фаталистична.** Некто в сером читает Книгу Судеб, которая не подлежит редактированию. Человек будет надеяться, но лишь совершит «круг железного предначертания» [2, с. 444]. Старухи не свободны в своих действиях, ими «помыкает» вышеназванный истукан.

В тексте упоминаются и **«всадники на горячих конях»**, что, во-первых, отсылает к язычеству (всадники символизировали подчинение земного небесному) [33, с. 82], а во-вторых, сближает пьесу с поэмой Пушкина. Примечательно, что упоминаются эти всадники именно к контексте материальной неразборчивости героев : Человек и его жена хотят разбогатеть материально, причем мечтают они далеко не о необходимых вещах (бриллианты, изумруды, жемчуг, пиво, шоколад, фрукты, шкура медведя). Более того, женщина готова даже целовать бриллианты, что являет нам **фетишизм.** Фетишизм и черты магии наблюдаются также в желании человека собрать и сохранить волосы умирающего сына.

Обратим внимание на вариант окончания пьесы 1908 г. Он связан с наличием наследников. Их семеро, «три женщины и четверо мужчин» [2, с. 492]. Эти **числа** считались **сакральными** у славян. Тройка постоянно встречается в фольклоре еще до принятия христианства, поэтому нельзя связывать особое значение числа лишь со Святой Троицей) : три сына у отца, распутье, три желания, три ступени испытания, три головы дракона, три коня у Иванушки и др. Четверка указывала на четыре великих славянских народа, символ важнейших нравственных качеств (душа, дух, разум, совесть, тело), четыре всадника, символизирующих четыре поры года. Семерке приписывали влияние на счастье и удачу человека (кстати, одна из важнейших карт «Пиковой дамы» Пушкина – семерка; в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо семь мужиков), семь цветов радуги, семь нот.

Наследники пляшут вокруг умирающего Человека, что похоже на **погребальные обычаи язычников :** во время тризны родственники умершего танцевали.

2. 5 Выводы, или О принципе mise en abyme. См. приложение

Таким образом, сделаем следующие выводы.

Художественный принцип mise en abyme предполагает, что некий текст образован и развивается по аналогии с другим текстом и существует как объект внутри. Не всегда следование этому принципу является сознательным [см. 3]. Ключевую роль в трактовке играет детальное читательское восприятие.

На наш взгляд, именно по аналогии с петербургской повестью А. Пушкина «Медный всадник» и развивается представление Л. Андреева «Жизнь человека». У текстов много общего : линия жизни; концепты «бедные люди», «любовь и бедность»; образ бездушного истукана, лейтмотивные лексемы с прямым или ассоциативным значением ‘каменный’; есть параллели в пространственной структуре произведений.

Пьеса Л. Н. Андреева представляет собой художественное целое, построенное по принципу mise en abyme, или принципу матрешки. Текст Андреева («Жизнь человека») содержит в себе пушкинский текст («Медный всадник»), а тот, в свою очередь, несет в себе архаический идейный компонент, связанный с язычеством.

Пушкинский текст, с большей долей вероятности, включен Л. Андреевым в пьесу неосознанно, под влиянием эрудиции.

Наличие языческого компонента в текстах А. Пушкина и Л. Андреева в пьесе Андреева объясняется, на наш взгляд, феноменом архетипического и фактами мировоззренческого характера.

Язычество – важный элемент культурного бессознательного, сформированный определенной традицией тип мышления, породивший целый шлейф культурных последствий (сформулировано при помощи монографии И. А. Есаулова [15, с. 12]). Данные культурные последствия мы видим в петербургской повести «Медный всадник» и представлении «Жизнь человека».

Ни для кого не секрет, что жизненная позиция автора имеет большое влияние на произведение. У А. Пушкина и Л. Андреева мы наблюдаем общие биографические моменты, касающиеся мировоззрения. Им обоим была свойственна тяга ко всем проявлениям жизни, в том числе низменным, «торжество Вакха», имморализм или даже кощунственные взгляды, нашедшие художественное отражение в произведениях («Гаврилиада» Пушкина, большинство произведений Андреева). Разнузданность писателей не могла быть укрощена, но таким творчески и интеллектуально развитым людям были необходимы духовные ориентиры. Христианство не приветствует «ветреную вакханку», следовательно, происходит отход от него, и осуществляется он в сторону язычества.

В рассмотренных текстах А. С. Пушкина и Л. Н. Андреева художественно отразились черты пограничного с христианством язычества. В произведениях встречаются и боги, и Бог («божия стихия», «кумир на бронзовом коне» у Пушкина; Бог, которому молится Жена Человека, и Некто в сером у Андреева).

Оба писателя фаталисты. Считается, что философия А. С. Пушкина жизнеутверждающая, философия Л. Н. Андреева – пессимистична и фаталистична, философия по А. Шопенгауэру. Да, творчеству Пушкина, особенно раннему, действительно присущ гедонизм, ведь музой его была ветреная вакханка. Вспомним стихотворения «Воспоминание» (К Пущину) (1815), «Гроб Анакреона» (1815), «Торжество Вакха» (1818). Но вместе с тем стоит помнить и о том, что А. С. Пушкин был фаталистом. Вспомним его подготовку к дуэли с Федором Толстым : «Этот меня не убьет, а убьет белокурый, так колдунья напророчила». Л. Андреев воспринимал действительность как трагический хаос, считал бытие человека предопределенным [см. 7, с. 53]. Это явно прочитывается в его творчестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, наличие сентименталистской эстетики в ранних произведениях Л. Н. Андреева объясняется прежде всего такими факторами, как обостренное чувство справедливости писателя и индивидуализм Серебряного века.

В сознании Л. Андреева постоянно боролись стремление к соборности и идеи А. Шопенгауэра, поэтому его рассказы несут идею духовного единения людей и в то же время откровенного сомнения в нем. Это перекликается с ключевыми чертами сентиментализма : внимание к простому, бедному человеку и яркий индивидуализм, эгоизм чувств. Обращение к этим основополагающим элементам влечет за собой использование других сентиментальных деталей.

В произведениях Л. Н. Андреева 1892 – 1899 годов мы наблюдаем следующие элементы сентименталистской эстетики.

Детальное изображение внутреннего мира конкретного человека

«В холоде и золоте», «Случай», «Ангелочек», «Он, она и водка», «Чудак», «У окна», «Друг», «Защита», «Памятник», «Держите вора!».

Человеческая личность
«выражается прежде всего в теме личности самого автора»,
осознанный субъективизм

«В холоде и золоте», «Он, она и водка», «Чудак», «Любовь, вера и надежда».

Внимание к самому простому человеку (бедняку, маргиналу)

«В холоде и золоте», «Алеша-дурачок», «Случай», «Баргамот и Гараська», «Держите вора!».

Тема чувств

«В холоде и золоте», «Валя», «Ангелочек», «Загадка», «Он, она и водка», «Чудак», «Любовь, вера и надежда», «У окна», «Друг», «Нас двое», «Две встречи», «Дело прошлое», «На избитую тему», «Грошовый человек (Полезный

работник)», <Случилось все это очень просто>, «Розочка», <Из записок алкоголика>, < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Чувственная тематика

«Алеша-дурачок», «Петька на даче», «Он, она и водка», «Друг», «Защита», «Памятник», «Мать», «Нас двое», «Дело прошлое», «На избитую тему», «Держите вора!», «Торжество Фитюльки», «Грошовый человек (Полезный работник)», <Случилось все это очень просто>.

Культ женщины

«Чудак», «Нас двое», «Дело прошлое», «На избитую тему», «Держите вора!».

Идея гармоничной связи с природой и/или параллели в состоянии души человека и природы

«Алеша-дурачок», «Петька на даче», «В Сабурове», «Загадка», «Он, она и водка», «У окна», «Друг», «Защита», «Памятник», «Что видела галка», «Мать», «Нас двое», «Две встречи», «Дело прошлое», «На избитую тему», «Держите вора!», «Торжество Фитюльки», «Грошовый человек (Полезный работник)», «Розочка», < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Нарушение религиозных рамок

«Петька на даче», «В Сабурове», «Мать», «Держите вора!», «Грошовый человек (Полезный работник)», «Розочка».

Эстетизация окружающей действительности

«Петька на даче», «Держите вора!», < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Художественное изображение детей как изначально чистых существ

«Петька на даче», «В Сабурове».

Мотив жалости

«Валя», «Ангелочек», «Памятник», «На избитую тему».

«Слезные ситуации»

«Валя», «Ангелочек», «В Сабурове», «Он, она и водка», «У окна», «Защита», «Памятник», «Дело прошлое», «На избитую тему».

Обращение к эпистолярным элементам

«Он, она и водка», «Дело прошлое», «На избитую тему», «Держите вора!».

Отсылки к конкретным сентименталистским произведениям

«Загадка» («Наталья, боярская дочь»), «Памятник» («Остров Борнгольм», «Бедная Лиза»), «Торжество Фитюльки» («Остров Борнгольм»), <Случилось все это очень просто> («Бедная Лиза»), «Розочка» («Бедная Лиза»), «Любовь, вера и надежда» («Бедная Лиза»).

Идиллические картины

«Загадка», «Он, она и водка», «Две встречи».

Элементы дружеского послания

«Чудак».

Употребление заимствований и/или иностранных слов

«В холоде и золоте», «Алеша-дурачок», «Петька на даче», «Валя», «У окна», «Что видела галка», «Баргамот и Гараська», «Мать», «Нас двое», «На избитую тему», «Держите вора!», «Торжество Фитюльки», < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Обильное использование уменьшительно-ласкательных лексем

«В холоде и золоте», «Алеша-дурачок», «Петька на даче», «Валя», «Ангелочек», «Чудак», «У окна», «Друг», «Защита», «Памятник», «Баргамот и Гараська», «Мать», «Дело прошлое», «На избитую тему», «Держите вора!», «Торжество Фитюльки», <Случилось все это очень просто>, «Розочка», <Из записок алкоголика>, < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Использование перифразы

«Алеша-дурачок», «Валя», «Он, она и водка», «Любовь, вера и надежда», «У окна», «Защита», «Памятник», «Что видела галка», «Баргамот и Гараська», «Нас двое», «На избитую тему», «Торжество Фитюльки».

Проникновение в язык художественного произведения разговорных элементов

«Ангелочек», «В Сабурове», «Загадка», «Чудак», «У окна», «Друг», «Защита», «Памятник», «Баргамот и Гараська», «Мать», «Нас двое», «Две встречи», «На избитую тему», «Держите вора!», «Торжество Фитюльки»,«Грошовый человек (Полезный работник)», <Случилось все это очень просто>, «Розочка», < – А ты, брат, вовсе не такая скотина…>.

Патетический стиль

«Нас двое», «Две встречи».

Обильное использование «любовной лексики» (влюбился, любит, любовь и т. п.)

«Чудак».

Создание неологизма

«Что видела галка».

Пьеса Л. Н. Андреева «Жизнь человека» представляет собой художественное целое, построенное по принципу mise en abyme, или принципу матрешки. Текст Андреева («Жизнь человека») содержит в себе пушкинский текст («Медный всадник»), а тот, в свою очередь, несет в себе архаический идейный компонент, связанный с язычеством. Тексты имеют следующие языческие элементы : идолопоклонство, фатализм, жертвоприношение, поклонение огню, фетишизм. Из особых языческих компонентов пьесы Андреева можно назвать культ Рода, связь с языческими святилищами, обращение к сакральным числам и погребальные традиции древних славян.

Л. Андреев сочетает несочетаемое. Его интересы и ориентиры впечатляют единством противоположностей : Ч. Диккенс, Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь и Ч. Дарвин, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев. Тяга к противоречиям свойственна Андреевым вообще. Вспомним сына Леонида, Даниила, который в «Розе мира» призывал объединить все лепестки в один цветок, т. е. все религии объединить в одну.

Таким образом, художественный метод Л. Н. Андреева можно определить как синтез, эклектизм. Исследуя творчество Андреева, перспективно определять, как взаимодействуют архаический, классический и новый коды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Л. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. / Л. Н. Андреев. – М. : Наука, 2007 – наст. время – Т. 1 : Рассказы 1892 – 1899. – 2007. – 811 с.

2. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. Н. Андреев. – М. : Художественная литература, 1990 – 1996. – Т. 2 : Пьесы 1904 – 1907. – 1990. – 557 с.

3. Атлас, А. З. Вторичная репрезентация в тексте : mise en abyme [Электронный ресурс] : Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnaya-reprezentatsiya-teksta-v-tekste-mise-en-abyme. Дата доступа : 11. 04. 2018.

4. Бабичева, Ю. В. Драматургия Л. Н. Андреева эпохи первой русской революции / Ю. В. Бабичева. – Вологда : Вологод. пед. ин-т, 1971. – 183 с.

5. Башкиров, Д. Л. Воплощение «идеального» в русской литературе конца XVIII – начала XX века и традиции восточнославянской словесности / Д. Л. Башкиров. – Минск : БГУ, 2012. – 367 с.

6. Башкиров, Д. Л. Неореалистическая драма Л. Н. Андреева : автореф. дис. ... канд. ф. наук : 10. 01. 01/ Д. Л. Башкиров; Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1993. – 21 с.

7. Бугров, Б. С. Леонид Андреев. Проза и драматургия / Б. С. Бугров. – М. : Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. – 112 с.

8. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

9. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений : в 8 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Печатник, 1912 – 1913. Т. 8 : Выбранные места из переписки с друзьями. – 1913 – 301 с.

10. Гуковский, Г. А. История русской литературы XVIII века / Г. А. Гуковский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 453 с.

11. Добролюбов, Н. А. Избранные литературно-критические статьи / Н. А. Добролюбов. – М. : Наука, 1970. – 616 с.

12. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972 – 1990. Т. 14 : Роман «Братья Карамазовы». – 1976. – 511 с.

13. Достопримечательности Санкт-Петербурга. Что посмотреть и куда сходить в Петербурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ilovepetersburg.ru/. Дата доступа : 04. 04. 2018.

14. Дудзюк, З. І. Вяртанне забытага міфа / З. І. Дудзюк. – Мінск : Беларусь, 2013. – 144 с.

15. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М. : Кругъ, 2004. – 559 с.

16. Жизнь Пушкина. Дневники : в 2 т. / сост. В. В. Кунин. – М. : Правда, 1988. Т. 2 : Сентябрь 1826 – декабрь 1835. – 704 с.

17. Жилякова, Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844 – 1849) / Э. М. Жилякова. – Томск : ТГУ, 1989. – 272 с.

18. Иезуитова, Л. А. Творчество Леонида Андреева (1892 – 1906) / Л. А. Иезуитова. Л. : Ленингр. ун-т, 1976. – 240 с.

19. Карамзин, Н. М. Избранные произведения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М. : Худож. лит., 1964. Т. 1 : Письма русского путешественника. Повести. – 810 с.

20. Карамзин, Н. М. Избранные произведения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М. : Худож. лит., 1964. Т. 2 : Стихотворения. Критика. Публицистика. – 591 с.

21. Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев / гл. ред. И. С. Зильберштейн – М. :. Наука, 1965. – 630 с.

22. Лобанова, Т.; Лобанов, А. Санкт-Петербург. Путеводитель с картой / Т. Лобанова, А. Лобанов. – СПб : Медный всадник, 2015. – 32 с.

23. Мартынова, Т. И. Творчество Леонида Андреева в оценке современников : автореф. дис. ... канд. ф. наук : 10. 01. 01/ Т. И. Мартынова; МПГУ. – М., 1994. – 19 с.

24. Мережковский, Д. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. / Д. С. Мережковский. – СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1912. Т. 15 : Стихотворения. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. – 305 с.

25. Мескин, В. А. Типы характеров и средства их создания в прозе Л. Н. Андреева [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ф. наук : 10. 01. 01. Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/tipy-kharakterov-i-sredstva-ikh-sozdaniya-v-proze-l-andreeva. Дата доступа : 16. 10. 2017.

26. Михеичева, Е. А-Б. Творчество Леонида Андреева : автореф. дис. ... д-ра ф. наук : 10. 01. 01/ Е. А-Б. Михеичева; МПГУ. – М., 1995. – 10 с.

27. Московкина, И. И. Поэтика прозы Леонида Андреева. Жанровая система и художественный метод : автореф. дис. ... д-ра ф. наук : 10. 01. 01/ И. И. Московкина; Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко, 1994. – 37 с.

28. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 798 с.

29. Повести Древней Руси XI – XII века / сост. Н. А. Понырко. – Ленинград : Лениздат, 1983. – 574 с.

30. Путеводитель по Петербургу : достопримечательности, музеи, пригороды, экскурсии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://spbhi.ru/. Дата доступа : 04. 04. 2018.

31. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – АН СССР, 1962 – 1965. Т. 4 : Поэмы. Сказки. – 1963. – 594 с.

32. Руссо Жан-Жак [Электронный ресурс] : Библиотека иностранной литературы, обзор произведений зарубежной литературы и биографий авторов 17 – 20 веков. Режим доступа : http://inolit.ru/17-032-00.html. Дата обращения : 31. 03. 2018.

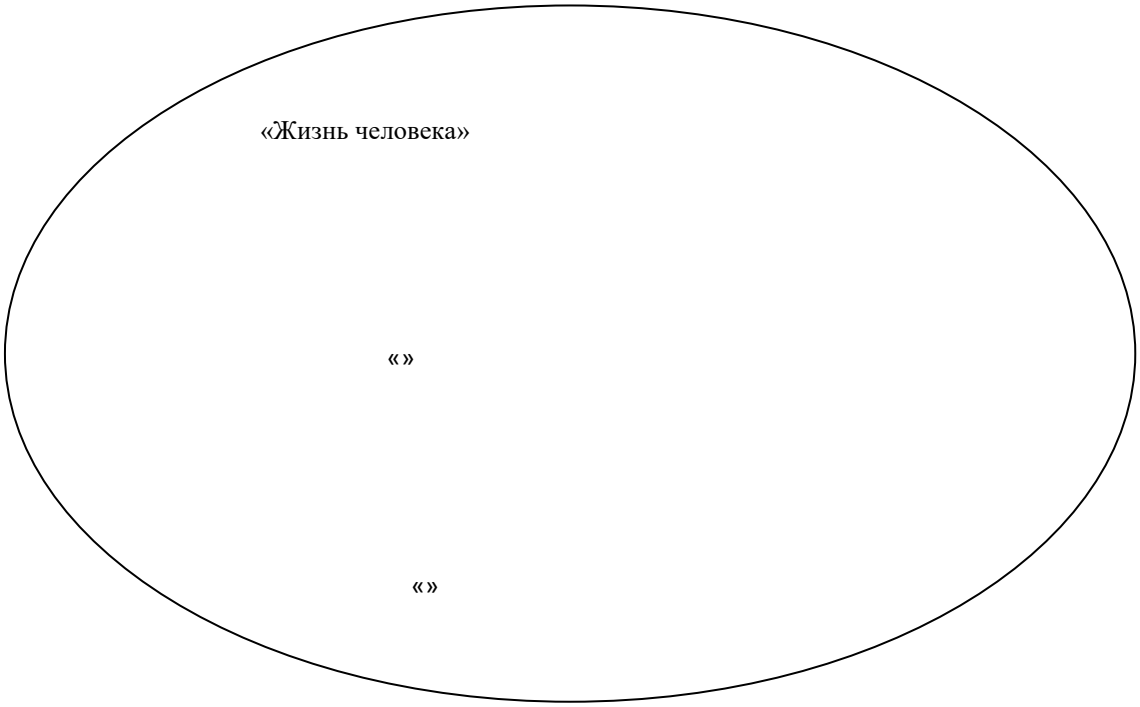
33. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 607 с.

34. Солженицын А. И. Рассказы / А. И. Солженицын. – М. : Астрель, 2012. – 588 с.

35. Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского, 1898 – 1917 / М. Н. Строева. – М. : Наука, 1973. – 375 с.

36. Татаринов А. В. Формирование мифологического реализма в творчестве Леонида Андреева (1898 – 1911годы). [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ф. наук : 10. 01. 01. Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/formirovanie-mifologicheskogo-realizma-v-tvorchestve-leonida-andreeva-1898-1911-gody. Дата обращения : 16. 10. 2017.

37. Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына / А. В. Урманов. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 380 с.

38. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994 – 1995. – Т. 1 : Стихотворения 1906 – 1920. – 1994. – 640 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ
АРХИТЕКТОНИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»